

МОЛЧАНИЕ НА ПЕРЕПРАВЕ

ЯНА ЗОРИНА

Яна Зорина

Молчание на переправе

«Автор»

2026

Зорина Я.

Молчание на переправе / Я. Зорина — «Автор», 2026

Семь каменных пролётов соединяют два враждующих княжества. Они стоят благодаря заклинанию, которое сохраняет силу, пока его полная формула не произнесена на самой переправе. Смотритель Савел Вереж знает цену молчания — и кормит семью пошлиной за мост. Наместник Гард Нор скупает долги жителей обоих берегов и предлагает списывать их за старые рассказы. Каждое добытое слово ослабляет одну арку. Чтобы спасти переправу, Савелу придётся открыть людям безопасные секреты своего ремесла, отказаться от наследственной власти и доверить работу тем, кого его семья годами держала в стороне. Но раскрыть всё нельзя: некоторые знания способны стать оружием. «Молчание на переправе» — самостоятельный фэнтезийный роман о цене общей дороги, границе между тайной и монополией и людях, которые учатся держать мост не чудом, а ответственностью.

© Зорина Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Трещина под пошлиной	6
Глава 2. Два берега, одна очередь	13
Глава 3. Долг за рассказ	22
Глава 4. Слово ослабляет камень	31
Глава 5. Дом, который кормит мост	39
Глава 6. Брат с другого берега	47
Глава 7. Наследница без согласия	52
Глава 8. Книга купленных долгов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Яна Зорина

Молчание на переправе

От автора

Мост кажется самым честным сооружением: один берег, другой берег и камень между ними. Но всякая переправа держится не только на опорах. Её удерживают люди, которые просят кладку, собирают деньги на ремонт, решают, кого пропустить первым, и объясняют, почему другим следует доверять их решениям.

Эта история — о тайне, которую действительно нельзя выкрикнуть без вреда, и о молчании, которым слишком удобно прикрывать власть. Её герою придётся разобраться, что он обязан сохранить, а чем обязан поделиться. Здесь чудо не отменяет работу рук, семейная верность не заменяет согласия, а общее дело не становится общим лишь потому, что им пользуются все.

Если после последней страницы мост покажется вам не дорогой над водой, а множеством решений о знании, цене и ответственности, значит, путешествие состоялось.

Глава 1. Трещина под пошлиной

Савел услышал трещину раньше, чем увидел её.

На рассвете мост говорил множеством привычных голосов. Вода тёрлась о быки низко и сердито. Ветер посвистывал в отверстиях парапета. Подкова первой обозной лошади выбила из камня короткий ясный звук, за нею вторая — более глухой, потому что была подкована наспех. Эти различия Савел узнавал так же легко, как Мира узнавала шаги постояльцев на лестнице. Но под телегой красильщика из Ливей раздался сухой щелчок, будто кто-то переломил над ухом тонкую косточку.

Савел поднял ладонь.

— Стой.

Возница натянул вожжи. Лошадь остановилась уже за белой чертой, которой отмечали начало второго пролёта. Сзади немедленно закричали: утро было торговое, а терпение людей на мосту всегда кончалось раньше дороги.

— Я пошлину заплатил! — сказал красильщик. На его телеге под мокрой рогожей стояли бочки с синей краской. — Вон твоя зарубка на дощечке.

— Потому и стой, что заплатил, — ответил Савел. — Не хочу брать второй раз за вытаскивание из реки.

Смех получился жидкий. Ветер гнал по настилу мелкий дождь, и никому не хотелось думать о глубине под арками. Савел поставил переносную решётку поперёк въезда и махнул помощнику, чтобы тот удерживал очередь. Помощника звали Тис, ему было семнадцать, и всякая власть пока казалась ему красивой. Он расправил плечи так, словно закрывал не телеги, а вражеское войско.

Савел опустился на колено возле левого колеса. Каменные плиты блестели, швы между ними были набиты тёмной смесью песка, извести и толчёного речного стекла. Перед дождями Савел сам прошёл мост от заставы до заставы и отметил мелом три места, где следовало добавить раствор. Здесь отметки не было.

Он приложил пальцы к шву. Холод прошёл сквозь кожу быстро, как игла. Подушечка указательного пальца зацепилась за край, которого вчера не существовало.

— Телегу назад, — сказал он.

— С гружёными бочками? На подъёме?

— По одному локтю. Тис, клинья под колёса. Вы двое из очереди — помогите, пошлину верну.

Возражения кончились. Возвращённая монета убеждала лучше угроз. Четверо мужчин перекатали телегу назад, всякий раз подкладывая деревянные клинья. Когда колесо сошло с подозрительного места, Савел вытер камень рукавицей.

Трещина тянулась поперёк плиты, тонкая, неровная, длиной с его ладонь. Обычная морозная щель начиналась у края, где вода находила слабое место. Эта возникла посередине. Савел достал из кожаного чехла мерную скобу — две железные ножки на винте — и поставил их по сторонам разлома. Между острыми концами вошёл ноготь.

Ещё вчера не вошёл бы волос.

Савел передвинул скобу к другому концу. Там щель была уже. Он выпрямился, оглядел реку и заставы на берегах. На реденской стороне дымили трубы его постоянного двора и домов посёлка. На ливейской за серой стеной дождя блестела медная крыша таможенного дома. Между ними лежали семь арок, семь быков и дорога, которая кормила его семью с тех пор, как прадед его прадеда поставил первый сборный ящик.

— Долго? — спросил красильщик.

— Пока не скажу, не едешь.

— Мне к полудню надо на ярмарочный двор.

— Тогда успеешь первым, если мост цел.

Савел снял с пояса молоток. Ударил рядом с трещиной один раз, потом второй. Звон первого удара ушёл в камень глубоко. Второй вернулся глухим, словно под плитой лежала сложенная ткань. Он почувствовал взгляд Тиса. Помощник знал немного, но уже достаточно, чтобы не задавать вопросов при чужих.

— Разгружайте две передние бочки, — распорядился Савел. — Проведём телегу пустым передком. Остальным тяжёлым стоять до осмотра.

Очередь взорвалась.

К полудню она могла протянуться до рынка. Мясники боялись тепла, хотя тепла не было; торговцы шерстью боялись сырости, хотя шерсть давно промокла; ливейские гончары боялись пропустить покупателей, а реденские закупщики — первыми не выбрать посуду. Каждый считал свою нужду единственной причиной, по которой камень обязан держаться.

Савел выслушал первые три крика и повернулся к Тису.

— Пеших пропускай по правой стороне, по десять человек. Вьючных — по одному. Телеги легче двенадцати мер взвешивай у столба. Тяжёлые разворачивай на стоянку.

— А если не захотят?

— У них есть лодочный перевоз в двух верстах.

— Там берут втрое.

— Значит, захотят.

Тис улыбнулся и тут же спрятал улыбку. Савел отдал ему связку малых ключей, а сам пошёл за ограждением. По дороге он снова прислушался. Ветер, вода, ругань, скрип осей. Под всем этим — едва заметный новый хруст, который отзывался в левой подошве, когда Савел наступал возле середины первой арки.

Мост не был живым. Отец бил его по пальцам за такие слова. Живое можно уговорить, пожалеть или обвинить в упрямстве. Камень принимал вес, вода вымывала раствор, железо ржавело. Если человек называл эти вещи настроением моста, он рано или поздно начинал ждать милости там, где требовалась работа.

Но мост помнил сказанное на нём.

Это было хуже любой жизни.

У будки сборщика стоял незнакомец в сером кафтане и говорил с худым мужчиной, которого Савел видел прежде у рыбных рядов. Худого звали, кажется, Ратка. Он продавал сушёных лещей, пил больше, чем мог оплатить, и два месяца назад заложил лодку. Теперь на нём не было ни дождевика, ни шапки. Мокрые волосы прилипли ко лбу, а руки он держал под мышками.

Незнакомец, напротив, был сух. Над ним слуга держал широкий вощённый зонт. На груди серого кафтана серебрилась узкая бляха наместничьей службы.

Савел замедлил шаг.

— Не целиком, — говорил незнакомец. — Целиком мне от тебя ничего не нужно. Слово, которое повторяла бабка. Одно слово — и недельная пеня списана.

— Здесь?

— А где же ещё проверять мостовую присказку? В кабаке всякий соврёт.

Ратка оглянулся на заставу. С реденской стороны его отделяло всего двадцать шагов, но белый пограничный камень уже остался за спиной. Он стоял на первой арке.

Савел пошёл быстрее.

— У меня бабка много чего повторяла, — сказал Ратка. — За каждое спишете?

— За нужное заплачу серебром.

Слуга с зонтом раскрыл маленькую книгу. Ратка смотрел на неё с голодом человека, которому показывали хлеб. Незнакомец провёл ногтем по строке и постучал по сумме внизу.

— Произнеси.

Савел был уже близко, но между ним и мужчинами втиснулась коза с двумя корзинами. Девочка тянула её за верёвку, коза упиралась и мотала рогами. Савел переступил корзину, едва не сбив с ног старуху.

Ратка выговорил слово.

Оно было простым. Таким простым, что никто вокруг не обернулся. Так могли позвать работника на берегу, так могли приказать лошади на спуске, так мать могла остановить ребёнка у воды.

— Держи.

Под ногами Савела дрогнул камень.

Не весь мост — одна плита. Дрожь ударила снизу в пятку и исчезла. Из шва возле парапета вылетела белая крупинка раствора. Савел поймал Ратку за ворот и дёрнул на себя так резко, что тот захрипел.

— Что вы делаете? — Незнакомец не отступил, только поднял подбородок.

— Убираю человека с проезжей части.

— Я стоял! — возмутился Ратка. — Я ничего...

Савел зажал ему рот ладонью. Ратка пах кислой рыбой и дождём.

— Ещё одно слово скажешь после белого камня — привяжу к перилам до закрытия дороги.

В глазах рыбака мелькнул не страх, а обида.

— Вы угрожаете должнику наместника, — сказал человек в сером.

— Я запрещаю торговать на мосту.

— Он не торговал.

Слуга показал раскрытую книгу. Напротив имени Ратки появилась тонкая черта красными чернилами.

— Его обязательство уменьшено по доброй воле владельца долга. Разговор не запрещён ни реденским, ни ливейским правом.

Савел всё ещё держал Ратку. Под ладонью тот что-то сердито мычал.

— Моим правом запрещено задерживаться на проезжей части.

— Вашим правом, смотритель, собирают пошлину и осматривают кладку. Речи людей оно не касается.

Человек знал, кто перед ним. Савел отпустил Ратку и вытер ладонь о плащ.

— Имя.

— Кел Орам, долговая палата наместника Гарда Нора.

Он назвал должность с удовольствием хорошего ремесленника, показывающего ровный шов. Савел посмотрел на книгу. Листы были размечены в три столбца: имя, сумма, погашение. В третьем рядом с Раткой стояла короткая закорючка. Не слово — условный знак.

— Долговая палата теперь собирает сказки?

— Наместник ценит местные предания. В отличие от некоторых, он готов за них платить.

— Пусть слушает их в своей палате.

— Тогда они не подтвердятся.

Кел Орам улыбнулся одними губами. Он не знал формулы — Савел был почти уверен. Человек, знающий хотя бы три её опорных слова, не стоял бы так спокойно на первом пролёте. Но он знал, что место важно. Кто-то объяснил ему способ проверки, не объясняя цены.

Савел нагнулся, поднял из шва выпавшую крошку и растёр между пальцами. В извести блеснула серебряная пыль. До произнесённого слова её не было видно.

— Все разговоры ведите за белыми камнями, — сказал он.

— На каком основании?

— Осмотр сооружения.

— И сколько продлится осмотр?

— Пока мост не перестанет трескаться под вашими беседами.

Улыбка исчезла. Кел прикрыл книгу ладонью.

— Осторожнее с обвинениями. Наместник купил законные расписки. Эти люди сами выбирают способ облегчить долг.

— Голодный тоже сам выбирает, какой рукой взять хлеб.

— А вы берёте с него монету за дорогу к пекарю.

Это услышали. Очередь притихла не вся, но ближайшие люди повернули головы. Савел почувствовал, как привычная связка ключей оттягивает пояс. Пошлина была старше наместника, старше долговой палаты и самого Савела. Её брали на раствор, железо, леса, зимние скребки и корм семье, которая дежурила здесь ночью и в половодье. В каждом поколении находился человек, называвший её платой за воздух над водой.

Объяснять это Келу значило принять его суд.

— Тис! — позвал Савел. — Проводи господина Орама за границу переправы. На любой берег по его выбору.

Кел сам закрыл книгу.

— Я уйду. Но люди продолжают вспоминать. За пределами вашего моста, если вы так настаиваете.

— Пусть вспоминают.

— А потом приходят проверять, верно ли вспомнили.

Савел посмотрел на него, и долговой служащий понял достаточно. Не всё — только то, что попал в больное место.

Он двинулся к реденскому берегу. Ратка остался.

— А списание? — спросил он у слуги.

Тот показал красную черту.

— Неделя, как обещано.

Ратка выдохнул с таким облегчением, словно с плеч сняли мешок муки. Савелу захотелось встряхнуть его и спросить, что именно говорила бабка, кому ещё она это повторяла, какие слова он успел продать прежде. Но спрашивать на мосту было нельзя. Даже вопрос мог вытянуть опасный ответ.

— Иди за мной, — сказал Савел.

Он отвёл рыбака на реденский берег, дальше белого камня, за навес для взвешивания телег. Там пахло мокрым сеном и конским потом. Кел Орам остановился у заставы, будто выбирал дорогу, но Савел видел: он слушает.

— Теперь скажи, откуда слово.

Ратка потёр шею.

— Бабка говорила. Когда верёвку натягивали.

— Какую верёвку?

— Да откуда я знаю? Я мелкий был. После большого ледохода все на мосту работали. Ваш отец тоже. Бабка носила воду и всё покрикивала.

— Что ещё она говорила?

Ратка покосился на переправу.

— Тут можно?

— Тут можно. Но тихо.

— Если ещё вспомню, Орам спишет месяц. Может, два. Вы столько дадите?

Савел не сразу ответил.

Рыбачья лодка стояла двадцать серебряных. Долг с пенями мог вырасти до тридцати. В сборном ящике после прошлой недели лежало одиннадцать, и пять из них Мира уже отложила на муку. За одно слово Ратка получил отсрочку, которой Савел не мог ему дать, не отняв у собственного дома.

— Если вспомнишь, не говори на мосту.

— Это не плата.

— Нет.

— Тогда чего мне вас слушать?

Ратка ушёл к посёлку, сутулясь под дождём. Савел мог задержать его за создание помехи движению. Мог запретить ему проход на месяц. Мог потребовать клятву. Ни одна мера не возвращала слово в рот.

С моста снова позвал Тис:

— Смотритель! Тут ещё одна щель!

Савел побежал.

Вторая трещина открылась у внутреннего края парапета, в пяти шагах от первой. Она была короче, но из неё выступила мутная вода. Савел опустился рядом, приложил мерную скобу и увидел на железной ножке серебристый след.

Первый пролёт.

Первое слово.

Совпадение было бы удобнее. Камень трескался от мороза, от перегруза, от воды и плохого раствора. Савел знал сотню причин и каждой предпочёл бы поверить. Но отец когда-то показал ему семь меток под арками и велел запомнить одну вещь: если в извести проступит серебро, не ищи виноватую зиму.

Тогда Савелу было двенадцать. Он спросил, что искать вместо зимы. Отец ударил ладонью по парапету и сказал: «Того, кто слишком много говорит».

Больше он не объяснил.

— Тис, закрой первый пролёт для колёс.

— Совсем?

— Пеших по одному краю. Всех остальных назад.

— А пошлина?

— Возвращай.

Помощник уставился на него. Вернуть всем означало остаться без дневного сбора. Савел снял с пояса большой ключ и протянул ему.

— Открой ящик.

— Мира велела не трогать запас до закупки.

— Я с ней поговорю.

— Она сказала, если вы так скажете, напомнить про муку.

Даже сейчас Савел почти улыбнулся. Мира умела участвовать в споре заранее.

— Напомнил. Открывай.

К полудню телеги развернули на обеих сторонах. Несколько возниц выбрали дальний перевоз, остальные поставили лошадей под навесы и ждали, когда смотритель одумается. Вернув монеты, Савел спустился по служебной лестнице под мост.

Дождь здесь не падал сверху, а летел сбоку. Вода шумела между быками, несла ветки, пену и одну перевёрнутую корзину. Савел пристегнул пояс к страховочному канату и прошёл по узкому карнизу к первой арке. Камень над головой был сложен клином: каждый блок давил на соседний и передавал вес опоре. Так строили люди. Между швами мерцала тонкая серебряная сеть. Так сделал тот, чьего имени дом Вережей не называл уже пять поколений.

Одна нить погасла.

Савел провёл рукой вдоль шва. Рядом свет ещё держался, но казался слабее. Он достал мел и обвёл погасший участок. Потом ещё один. К концу осмотра белые кольца протянулись от края арки почти до её вершины.

Сверху по мосту прошли чьи-то шаги. Пеший, лёгкий. Серебряная сеть не дрогнула.

Савел прислонился лбом к мокрому камню.

Полная фраза не передавалась даже наследнику. Отец называл одно слово, Савел отвечал другим, а остальные хранились в отдельных семейных песнях и рабочих приказах, перемешанные с ложными. После смерти отца Савел собрал формулу не из признания, а из оставленных меток. Он ни разу не произносил её целиком. Даже здесь, под аркой, думал о словах по отдельности.

Но семьи на обоих берегах помогали чинить мост столетиями. Старики уносили домой обрывки приказов. Матери повторяли детям ритм, под который тянули канат. Кто-то помнил первое слово, не зная, что оно первое. Гард Нор понял это и назначил цену памяти.

Савел выбрался наверх промокший до рубахи. У реденской заставы его ждала Лада. Дочь стояла без капюшона, с тёмной косой за плечом и длинным багром в руке. Видимо, пришла от лодочных мастерских. На лице у неё было то выражение, которое появлялось всякий раз, когда взрослые пытались решить что-то до её прихода.

— Мама сказала привести тебя домой, — сообщила она. — А потом увидела очередь и сказала сначала узнать, сколько мы потеряли.

— Один дневной сбор.

— Уже два, если завтра не откроем.

— Завтра не откроем для телег.

Лада посмотрела на мост. Люди шли по правой стороне редкой цепочкой. Между ними оставались большие пустые промежутки, и переправа казалась шире обычного.

— Что сломалось?

— Плита над первой аркой.

— Плиты не закрывают весь пролёт.

— Эта закрывает.

Лада подошла ближе. Савел встал на пути.

— Я посмотрю.

— Нет.

— Я работаю у лодочников третий год. Отличу трещину от царапины.

— Я уже отличил.

— Тогда покажи.

За её спиной Тис считал возвращённые монеты. Возницы прислушивались. Савел знал, как выглядит со стороны: наследственный смотритель загородил дорогу собственной взрослой дочери, будто она ребёнок у колодца.

— Дома, — сказал он. — Я всё расскажу дома.

Лада коротко кивнула. Это было хуже спора.

Она развернулась и пошла к посёлку, постукивая багром по камню. На третьем шаге остановилась.

— Всё?

— Что?

— Ты расскажешь всё?

Вопрос прозвучал негромко, но Савелу показалось, что серебряные нити под аркой натянулись.

— Столько, сколько нужно.

— Кому нужно?

Она не дождалась ответа.

Савел остался у белого камня. На другом конце переправы Кел Орам разговаривал уже с новой женщиной — старой, в синем платке. Они стояли за границей моста, как Савел потребовал. Слуга держал над книгой зонт, женщина шевелила губами, вспоминая давнюю песню.

Правило Савела они выполнили безупречно.

Он посмотрел на первую трещину, на пустую дорогу и на сборный ящик, из которого Тис выгребал последние медяки для возврата. Молчание пока удерживало мост. Но за его пределами каждое несказанное слово уже получило цену.

Глава 2. Два берега, одна очередь

К утру очередь разделилась на две и стала похожа на войско, которое само не знало, кого осаждает.

С реденской стороны телеги стояли вдоль дороги до кузницы. С ливейской хвост уходил за поворот к таможенному дому. Между ними мост лежал почти пустой: пешие шли по краю, придерживая корзины и детей, а посередине ветер катал солому. На каждом берегу люди видели чужую очередь лучше собственной и потому были уверены, что соседям уступают больше.

Савел не спал. Ночью он поставил под первой аркой два деревянных кружала — полукруглые рамы, на которых можно было временно принять вес кладки. Для настоящего ремонта требовались ещё четыре, но два хранились в сарае на ливейской стороне, а ключ от него после смены караула оказался у таможенного старшины. Старшина обещал прийти с рассветом. Солнце поднялось на высоту копыя, а его всё не было.

Мира принесла Савелу кружку горячего настоя и ломоть хлеба.

— Не ешь на виду у очереди, — сказала она.

— Почему?

— Потому что они с ночи стоят, а наш двор берёт за завтрак.

Савел посмотрел на постоялый двор. Перед дверью толпились возницы. Мира выставила котёл под навес и продавала кашу по обычной цене, хотя могла бы поднять её вдвое. Всё равно люди косились на неё так, будто трещину они с мужем устроили ради торговли.

— Сколько у нас муки? — спросил он.

— После сегодняшнего котла на четыре дня. Если мельник не проедет — на три.

— Лодкой привезут.

— Лодочник уже поднял цену.

— Я поговорю.

— Не говори со всеми один. У тебя от разговоров мост трескается.

Она произнесла это без улыбки. Савел взял кружку обеими руками. Тепло обожгло ладони.

— Лада рассказала?

— Лада рассказала, что ты ничего не рассказал.

— Я вернулся ночью.

— А рот у тебя закрывается после заката?

К ним направлялась делегация с реденской стороны: староста кожевников, две торговли птицей и толстый закупщик по имени Бран. Разговор пришлось отложить. Мира увидела их, забрала у Савела нетронутый хлеб и ушла к котлу.

Бран нёс дощечку с пошлинной зарубкой, словно судебную грамоту.

— Второй день стоим, — сказал он вместо приветствия. — Курыдохнут.

— Выпусти их из клеток.

— А ловить кто будет?

— Тот, кто купил живой товар.

Одна из торговок хмыкнула. Бран покраснел.

— Мне нужно в Ливею. Там заказ на мясной двор. Ты дорогу закрыл, заказ сорвётся. Кто платит?

— Я вернул пошлину.

— Пошлина — две медяшки. Заказ — сорок серебряных.

Савел поставил кружку на парапет.

— Мост сейчас не держит гружёную телегу. Если пропущу тебя, не получишь ни заказа, ни телеги.

— Ты так говоришь.

— Я смотритель.

— Вот именно.

Бран повернулся к людям, будто заранее привёл свидетелей для этой реплики.

— Твой дед брал деньги, твой отец брал, теперь ты берёшь. А когда дорога нужна, у вас всегда находится трещина, дождь или срочная починка. Покажи повреждение.

— Под мост пойдёшь на страховке?

— Покажи сверху.

— Сверху ты увидишь щель и решишь, что она мала. Вес держит арка под нею.

— Значит, опять должен поверить дому Вережей.

В очереди одобрительно загудели. Савел узнал этот гул. Так звучали люди, которым дали общую фразу для разных обид. У кожевника портились шкуры, у торговков голодали птицы, у Брана срывался заказ. Но говорили они теперь не о своих потерях, а о доме Вережей, потому что с домом было легче спорить, чем с камнем.

— Не верь, — сказал Савел. — Жди мастеров с обоих берегов. Они осмотрят и подпишут решение.

— Когда?

— Как только ливейцы откроют сарай с кружалами.

— Значит, нас держат ливейцы!

Гул изменился. Савел понял ошибку раньше, чем Бран поднял голос.

— Слышали? Их старшина ключ прячет, а смотритель нас не пропускает!

— Я не сказал, что прячет.

— Ты сказал, ключ у него.

— И что он должен прийти.

— Пока наши куры дохнут!

Торговка, хмыкнувшая прежде, теперь уже не улыбалась.

— Не втягивай птицу в княжеский спор, Бран. Ей всё равно, с какого берега дурак.

— Тебе легко, у тебя восемь клетей. У меня договор.

— А у меня двадцать семь живых голов.

Они начали спорить друг с другом. Савел мог бы позволить ссоре рассыпать делегацию, но на ливейской стороне тоже поднялся крик. Там несколько мужчин снимали переносную решётку.

Тис встал перед ними, широко расставив ноги. Издали он казался ребёнком, который решил удержать воротину плечом.

Савел побежал через мост.

Пешие шарахались к парапету. Под первым пролётом деревянные кружала принимали часть веса, но Савел всё равно ставил ноги ближе к оси дороги. Трещины за ночь не выросли. Серебро на их краях потускнело, словно иней под солнцем.

У ливейской решётки спорили гончары. Савел узнал вчерашние телеги: высокие короба были набиты горшками, переложенными соломой. Старший гончар, женщина с широкими руками и седой прядью, держала Тиса за запястье. Не выкручивала, просто не давала ему схватиться за решётку.

— Отпустите помощника, — сказал Савел.

Женщина разжала пальцы.

— Пусть помощник не хватает мою дочь.

За нею стояла молодая девушка с рассечённой губой. Тис побледнел.

— Я не хватал. Она полезла под перекладиной, я остановил. Её короб зацепил.

— Короб не бьёт кольцом по лицу.

Савел увидел на руке Тиса медное кольцо ключника. Острый край действительно мог рассечь губу.

— Как зовут дочь?

— Иара.

— Иара, он ударил тебя намеренно?

Девушка вытерла кровь тыльной стороной ладони.

— Нет. Я нагнулась, он махнул рукой. Но короб я понесу.

— Не понесёшь по первому пролёту.

— Пеших пускаете.

— Без тяжёлых коробов.

— В нём свадебная посуда. К вечеру должна быть в Редене.

— Свадьба состоится и с другой посудой.

— У реденцев — может быть. У нас заказ считается словом.

Седая гончарка одобрительно кивнула. За её спиной заговорили сразу несколько голосов. Ливейцы обвиняли Савела в том, что пеший проход он оставил лишь затем, чтобы реденский двор продавал еду застрявшим. Кто-то кричал, что ночью через мост провели реденского лекаря с тяжёлым сундуком. Кто-то требовал вернуть не пошлину, а плату за место на ярмарке. На той стороне Бран уже рассказывал, будто ливейский старшина намеренно задерживает ремонт.

— Тихо! — крикнул Савел.

Слово ударилось о камень и вернулось обычным эхом. Он всё равно пожалел, что повысил голос.

— Лекаря провели без сундука. Лекарства перенесли малыми сумками. Постоялый двор не имеет отношения к закрытию. Кружала будут установлены сегодня, если таможенный старшина откроет сарай.

— Он у вас, — сказала седая гончарка.

— Кто?

— Старшина. С утра пьёт на вашем берегу.

Савел посмотрел на Тиса.

— Ты видел?

— Я не могу видеть оба берега сразу.

Это было справедливо и прозвучало дерзко. Савел указал на решётку.

— Стой здесь. Никого с грузом. Я вернусь.

— Один?

— Позови ливейского караульного.

— Он говорит, что дорога ваша.

— Тогда пусть говорит рядом с тобой.

Савел снова пересёк мост. Теперь люди уже знали его цель и выкрикивали подсказки. Старшину видели у колодца. Нет, у Миры во дворе. Нет, он прошёл к бане. Каждый хотел добавить направление и тем самым стать участником ремонта.

Таможенный старшина обнаружился в конюшне постоялого двора. Он не пил. Он сидел на перевернутом ведре, прижимая к щеке мокрую тряпицу. Перед ним стояла Лада, а рядом на соломе лежал молодой человек в ливейской куртке. Его сапог был разрезан, голень туго перевязана.

— Что случилось? — спросил Савел.

— Ночью лошадь понесла на стоянке, — ответила Лада. — Телега прижала ногу. Старшина помогал вытаскивать.

— Почему мне не сказали?

— Ты был под мостом. Мама послала Тиса, но на переправе началась драка из-за очереди. Старшина убрал тряпку. Под глазом наливался багровый синяк.

— Ключ, — сказал Савел.

— И тебе доброго утра.

— От сарая с кружалами.

Старшина похлопал по карманам, потом по поясу. Лицо его изменилось.

— Был здесь.

— Когда видел последний раз?

— Ночью. Открывал аптечный ларь. Там щипцы хранятся.

Лада подняла с соломы связку из трёх ключей.

— Эти?

— Нет. Сарайный длинный, с раздвоенным зубом.

— Кто ещё был в конюшне?

— Полстоянки, — сказала Лада. — Лошадь орала, парень орал, все советовали.

Савел закрыл глаза на одно короткое мгновение. Кружала находились в сарае в ста шагах отсюда, за обычной дверью. Её можно было выбить. Но сарай принадлежал ливейской таможне, и если реденский смотритель сломает замок, к спору о дороге добавится спор о границе.

— Пойдём, — сказал он старшине.

— Куда?

— Искать ключ там, где ты его потерял.

— У меня человек с разбитой ногой.

Лада затянула узел на повязке.

— Человек никуда не денется. И я тоже. Идите.

Она сказала это так, будто распоряжалась в собственной мастерской. Старшина встал.

Савел задержался.

— Ты умеешь такую повязку?

— Теперь умею. Лекарь показал.

— Не стоило затягивать без меня.

— Ногу или повязку?

Старшина усмехнулся и сразу поморщился от боли в щеке. Савел вышел, не ответив.

Ключ нашли под кормушкой. Он провалился между досками и висел на кольце, зацепившись за гвоздь. Старшина опустил на колени, но рука не проходила в щель. Савел принёс ломик, приподнял доску, Лада достала ключ двумя пальцами.

— Теперь мост откроете? — спросил кто-то у ворот конюшни.

Там уже собрались возницы. Весть о найденном старшине привела их быстрее, чем любая команда.

— Теперь достанем кружала, — сказал Савел.

— Значит, к обеду?

— Значит, после установки будет осмотр.

— К вечеру?

— Не знаю.

— Он никогда не знает, когда пропускать, — громко сообщил Бран. — Зато всегда знает, когда брать.

Мира вышла из кухни с деревянной ложкой в руке.

— Бран, ты три зимы должен за стойло.

Очередь засмеялась. Закупщик побагровел.

— А ты сейчас на моих возницах наживаешься!

— Каша по той же цене, что вчера. Можешь не есть.

— Потому что муку вы провезли до закрытия.

— Потому что я покупаю её заранее, а не после того, как проголодаюсь.
Савел встал между ними.

— Мира.

— Что — Мира? Он называет меня воровкой у моего котла.

— Мне нужны люди для кружал.

— Возьми его. Он большой.

Бран отступил, словно его и правда собирались запрячь.

Савел оглядел собравшихся.

— Нужны восемь человек: четверо с каждого берега. Работа оплачивается из мостового сбора. Установка до полудня. После неё осмотрят два мастера, выбранные очередями. Если они подтвердят, что лёгкий проезд безопасен, начнём пропускать порожние телеги.

— А гружёные? — спросила торговка птицей.

— После укрепления кладки.

— Когда?

— Когда привезём лес и раствор.

— По закрытому мосту?

Вопрос повис. Лес лежал в Редене, известняк — в Ливее. В обычный день обозы встретились бы на переправе. Теперь каждый материал находился не на том берегу, где был нужен.

— Лодками, — сказал Савел.

— За чей счёт?

— За мостовой.

— В ящике пусто, — напомнил Тис, подошедший с переправы.

Савел посмотрел на помощника. Тот понял, что сказал лишнее, но слово уже услышали.

— Вот! — Бран вскинул дощечку с зарубкой. — Они годами собирали, а после одного дня нечем заплатить за лодку.

— Ящик пуст после возврата сегодняшних пошлин, — сказал Савел. — Запас хранится отдельно.

— Где?

— В семейном доме, конечно, — ответил кто-то.

— Под кроватью смотрителя!

— На приданое дочери!

Лада вышла из конюшни, вытирая руки. Насмешки оборвались не сразу. Она остановилась рядом с отцом.

— Покажи книгу сборов, — сказала она.

Савел повернулся к ней.

— Сейчас не время.

— Именно сейчас.

— Книга в доме.

— Я принесу.

— Нет.

Одно короткое слово сделало то, чего не смогли крики: вокруг стало тихо.

Савел знал книгу до последней строки. В ней были записаны поступления, покупка железа, оплата работников, замена каната, зерно для дежурных и доля семьи смотрителя. Ничего, чего следовало стыдиться. Но книга принадлежала дому. Отец передал её Савелу вместе с ключами и произнёс: «Мост отчитывается перед тем, кто за него отвечает». Тогда это звучало разумно.

Теперь перед ним стояли люди, которым закрытый мост стоил больше, чем он мог возместить.

— Платить рабочим буду я, — сказал Савел. — Если запаса не хватит, из дома.

— Это не ответ, — сказала Лада.

— Другого сейчас не будет.

Бран рассмеялся.

— Слышали? Деньги общие, книга семейная.

Мира поставила ложку на край котла.

— Савел, принеси книгу.

Он посмотрел на жену. Она не сердилась. Это было хуже. Она считала.

— Потом.

— Тогда рабочие будут не из очереди, — объявила седая гончарка, успевшая перейти мост пешком. — Ливея не отдаст людей на тайную работу за тайные деньги.

— Работа не тайная.

— Под арку нас пустят?

— На страховке и по одному.

— Смету увидим?

— Какую смету? Арка треснула вчера.

— Значит, составь сегодня.

С реденской стороны заговорил староста кожевников:

— И мастеров выбираем мы. По одному от каждого берега.

— Это я предложил.

— Тогда запиши, чтобы завтра не передумал.

Кто-то принёс доску. Кто-то — кусок мела. За несколько минут у заставы появился список условий, будто очередь заключала мир после долгой войны. Четверо рабочих от Редена, четверо от Ливеи. Два независимых мастера. Открытый подсчёт расходов. Порожные телеги только после осмотра. Сначала скоропортящийся товар, потом свадебный заказ, потом остальные по времени прибытия.

На последнем пункте спор вспыхнул снова.

— Почему свадебный заказ раньше? — спросил Бран.

— Потому что посуда не протухнет, но свадьба сегодня, — ответила Иара с разбитой губой.

— У меня договор.

— У невесты тоже.

— Реденская свадьба, между прочим, — вставила торговка птицей. — Значит, ваша посуда нужна нашему берегу.

— Тогда ваш берег пусть за нею лодку пришлёт.

— А ваш пусть моих кур кормит.

Савел слушал, как два берега делят одну очередь, и постепенно понимал: порядок, которым он пользовался всю жизнь, исчез. Раньше он называл телегу, проверял вес, принимал монету, открывал решётку. Недовольные ругались по одному и проходили. Закрытая дорога связала их вместе. Теперь всякое его решение становилось выгодой для одной группы и потерей для другой, а значит, требовало причины, которую можно произнести вслух.

Не всякая причина была опасной формулой.

Эту простую мысль он почему-то раньше не отделял от остальных.

— Порядок будет такой, — сказал Савел. — Сначала лекарства и еда, которая испортится сегодня. Затем груз, нужный на событие с назначенным временем, если это подтвердит заказчик с другого берега. После — по зарубкам ожидания. Не по княжествам.

— Кто решит, что испортится? — спросил кожевник.

— Два выбранных человека. Один от каждого берега.

— А если не согласятся?

— Груз ждёт.

— А если это наши и ваш?

— Не наши и ваш. Реден и Ливея.

— Ты сам реденец, смотритель.

— Моя мать была из Ливеи.

— А пошлину тратишь здесь.

Это было правдой лишь наполовину. Железо покупали в Ливее, лес — в Редене, работников нанимали отовсюду. Но дом, двор и семейная кладовая стояли на реденском берегу. Пока мост был открыт, движение монет скрывало эту тяжесть. Стоило перекрыть дорогу — и каждый увидел, куда вечером уходит сборщик с ящиком.

— Книгу принесу к полудню, — сказал Савел.

Мира выдохнула. Лада не улыбнулась, но подняла доску и дописала ещё одну строку: «Книга расходов — у заставы».

— Не сама книга, — предупредил Савел. — Выписка за год.

— Почему не сама?

— Потому что в ней имена тех, кому платили, и долги тех, кого пропускали без монеты.

Тишина стала другой. Несколько людей отвели глаза. Почти на каждом берегу находился кто-то, кого дом Вережей однажды пропустил в долг: к лекарю, на похороны, за сбежавшим скотом. Открытая книга могла доказать честность Савела и одновременно выставить чужую бедность напоказ.

— Выписка без имён, — согласилась седая гончарка. — Доход, материалы, работа, доля смотрителя.

— До полудня, — повторил Савел.

Восемь работников выбрали быстро. Бран не попал в их число. От Редена пошли кожевник, два возчика и женщина-плотник. От Ливеи — гончар, лодочник и двое каменщиков, оказавшихся в очереди с собственными телегами. Они вместе отправились к сараю за кружалами.

Когда первый тяжёлый полукруг вынесли на дорогу, люди расступились. Дерево было старым, с отметинами прежних ремонтов. На боку вырезали годы паводков. Многие в очереди впервые увидели вещь, ради которой их задержали.

— Это всё? — спросил Бран.

Женщина-плотник остановилась.

— Попробуй поднять один край, потом спросишь.

Он не попробовал.

Кружала перенесли по мосту на плечах. Савел шёл рядом и считал шаги. На первом пролёте люди замолчали сами, хотя никто не приказывал. Под ногами оставались две тонкие трещины, обведённые мелом. Иара несла пустой короб с посудой за спиной и ждала у белого камня. Ратки среди людей не было. Кел Орам стоял далеко у ливейского таможенного дома и записывал что-то в свою маленькую книгу.

У служебной лестницы Савел остановил рабочих.

— Под аркой тесно. Спускаются четверо. Остальные подают. Страховочный пояс не снимает никто.

— А ты? — спросила Лада.

Он не заметил, как она присоединилась.

— Я спускаюсь первым.

— У тебя один пояс на четверых?

— В сарае ещё три.

— Пять, — поправил ливейский каменщик. — Два висят за дверью.

Савел посмотрел на него.

— Откуда знаешь?

— Я их шил. Три года назад. Ваш отец заказал шесть, забрал пять, за шестой не заплатил.

— Отец умер пять лет назад.

— Значит, семь лет назад. Долги время считают лучше людей.

Несколько рабочих засмеялись. Савел не стал спорить.

— Если пояс годен, получишь плату за шестой из запаса.

— Запиши в выписку.

— Запишу.

Они спустились под мост. Сверху очередь видела их головы, плечи, верёвки и тяжёлое кружало, которое медленно уходило за край. Работа, прежде скрытая арками, стала зрелищем. Люди подавали команды, повторяли их по цепочке, удерживали канаты. Реденец принимал вес от ливейца, ливеец закреплял клин, вытесанный реденской плотницей. Когда раму поставили под ослабленный участок, каменщик ударил по ней киянкой и прислушался.

— Теперь примет пустую телегу, — сказал он.

— Одну, — уточнил Савел. — Потом осмотр.

— Две, если между ними пройти арку снизу.

— Одну.

Каменщик пожал плечами.

— Твоя должность.

Савел посмотрел вверх. По краю парапета виднелись лица. Десятки людей ждали его решения. Ещё вчера слова «твоя должность» укрепили бы его. Теперь они прозвучали как предупреждение: если он один решает, один и будет виноват.

— Одну с каждого берега, — сказал он. — Порожние. После каждой — совместный осмотр.

— Это уже две, — заметил каменщик.

— Это два берега.

Первой пошла телега Иары. Посуда осталась на ливейской стороне; девушка вела пустую повозку, а её мать шагала рядом. Колёса медленно поднялись на первый пролёт. Дерево под аркой тихо приняло вес. Савел держал ладонь на стойке кружала и чувствовал каждую неровность дороги. Телега пересекла ослабленное место, потом второй пролёт и покатилась к Редену.

Люди закричали. Не от радости за гончаров — от надежды, что сейчас поедут все.

Савел поднялся наверх и снова поставил решётку.

Крик стал яростнее прежнего.

— Вы обещали открыть!

— Он своих пропустил!

— Каких своих? Она из Ливей!

— Посуда для реденской свадьбы!

— Телега пустая!

— Тогда зачем пропускали?

Савел встал у решётки. Рядом поднялись седая гончарка, реденская плотница и оба выбранных мастера. Впервые он не был единственным человеком, которому задавали вопросы.

— Арка выдержала первую проверку, — громко сказала плотница. — Теперь осмотр. Потом одна порожняя телега в обратную сторону.

— Чья?

Начался новый спор, но уже не прежний. Люди доставали зарубки ожидания, сравнивали время, искали свидетелей. Два берега всё ещё не доверяли друг другу и Савелу. Зато теперь они видели кружала, рабочих и правило, по которому можно было оспаривать очередь.

Лада подошла к отцу.

— Выписка до полудня, — напомнила она.

— Помню.

— Я помогу убрать имена.

— Книгу дам Мире.

— Потому что мне не доверяешь?

— Потому что Мира её вела последние семь лет.

Лада удивилась.

— Я думала, ты.

— Все так думают.

— А кто решает, что записывать?

Савел посмотрел на мост. Под первым пролётом люди с двух берегов проверяли клинья. У дальнего таможенного дома Кел Орам закрыл книгу и ушёл за угол. Очередь медленно училась быть чем-то большим, чем толпа задержанных телег.

— До вчерашнего дня решал я, — ответил Савел. — Похоже, это тоже придётся чинить.

Глава 3. Долг за рассказ

К полудню на ливейской стороне поставили стол под полосатым навесом.

Савел сперва решил, что кто-то из застрявших торговцев догадался продавать еду. Очередь за столом была слишком ровной для котла Миры и слишком тихой для вина. Люди подходили по одному, клали перед писцом дощечки или свёрнутые листы, слушали, ставили крест либо прижимали к бумаге большой палец. Потом переходили к другому краю стола, где им наливали воду и предлагали сесть на лавку.

Над навесом висел знак долговой палаты: железный круг с прорезью посередине. Такой круг изображал монету, через которую уже нельзя было протянуть новый шнурок. Отец Савела говорил, что честный долг любит дверь и свидетеля, а долговая палата любит площадь. На площади стыд работал вместо замка.

Гард Нор сидел не за столом, а сбоку, в тени таможенного дома. На нём был серый дорожный кафтан без золотой тесьмы, только застёжки отливали медью. Рядом стояли два стражника с опущенными копьями. Наместник не повышал голоса и никого не подзывал. Люди сами оглядывались на него, прежде чем принять перо у писца.

— Он приехал час назад, — сказал Тис.

Савел продолжал смотреть на стол.

— Почему не сообщил?

— Ты был под первой аркой. Я послал мальчишку с рыбного ряда, но Мира заставила его таскать воду раненому.

— Мира никого не заставляет.

— Тогда он сам решил, что раненый важнее наместника.

Упрёк получился справедливым. Савел провёл ладонью по парапету. Камень нагрелся, но в глубине первого пролёта всё ещё жила холодная слабость. Два дополнительных кружала уже стояли под аркой. Они позволяли пропускать пеших с ручной кладью и пустые телеги по одной, но тяжёлый обоз Савел не пустил бы даже под княжеской печатью.

— Кто к нему подходил?

Тис загнул палец.

— Ратка. Вдова с красным платком, она ещё торгует свечами возле ливейской часовни. Мельничиха из Кручи. Трое лодочников. Гончары Иары. Старик с козой, имени не знаю. Бран дважды ходил, но в очередь не встал.

— Ратка снова рассказывал?

— Сидел на лавке. Что говорил, не слышал.

— Где Лада?

— У лекаря. Ты сам разрешил.

Савел ничего не ответил. Он помнил, что разрешил ей помочь с раненым до вечера. Ему просто хотелось, чтобы дочь оказалась рядом, когда он смотрел на Гардов навес. Хотелось не ради помощи, а ради возможности удержать её от чего-нибудь. Эта мысль рассердила его сильнее, чем Тисова дерзость.

У стола поднялась свечница в красном платке. Писец подал ей два листа: один оставил перед собой, другой протянул через стол. Женщина прижала бумагу к груди, словно получила не расписку, а разрешение дышать. Потом села на лавку рядом с Келом Орамом. Тот самый служащий, который вчера купил у Ратки слово, теперь держал на коленях маленькую счётную книгу.

Кел спросил что-то. Свечница оглянулась на мост и заговорила.

Савел сошёл с парапета.

— Никого не пускай к первому пролёту, — сказал он Тису.

— Пеших тоже?

— Пускай. Но если кто-то остановится и начнёт рассказывать про мост, выводил за белый камень.

— А если рассказывает не про мост?

— Не цепляйся к словам.

— Я потому и спрашиваю, что слова у нас теперь ломают камень.

Савел хотел оборвать его, но Тис уже смотрел не на него, а на навес. Помощнику было шестнадцать. Его отец погиб на лесосплаве, мать стирала бельё у гарнизона, и за обучение Савел не брал денег. Однако право стоять у решётки досталось Тису не из милости. Он различал скрип мокрой оси и сухой, замечал, когда подкова цепляет плиту, и никогда не забывал, какой клин Савел велел вынуть. Если даже он не понимал нового правила, очередь тем более не поймёт.

— На самом мосту нельзя произносить старые слова о том, как он держится, — сказал Савел. — Всё остальное можно.

— Какие старые слова?

— Если бы я их назвал, запрет потерял бы смысл.

Тис нахмурился.

— Тогда я должен угадывать.

— Пока — да.

— Плохо придумано.

— Не мной.

Савел пошёл к ливейскому берегу. На середине моста ветер дёрнул полу плаща. Под подошвами лежали знакомые плиты: тёмная с белой жилкой, широкая со следом подковы, узкая, которую отец велел обходить в мороз. Теперь каждая казалась ухом. Савел слышал обрывки разговоров и невольно отделял опасные слова от безобидных.

Две женщины спорили о цене соли. Мальчик перечислял лодки. Возчик клял закрытую дорогу. Старик объяснял козе, что на другом берегу трава ничем не лучше. Никто не говорил о старой кладке, но Савел всё равно торопил людей движением руки.

За белым камнем он остановился и позволил себе вдохнуть глубже. Здесь слова уже не могли отнять у арок силу. Вчера Кел это проверил: продолжил расспросы всего в нескольких шагах от границы переправы. Значит, наместнику было важно не только собрать предания, но и отделить настоящие части формулы от деревенских присказок. Для проверки ему всё равно придётся приводить рассказчиков на мост.

Свечница говорила Келу:

— Моя бабка называла среднюю арку горбатой коровой. Потому что зимой пар от воды поднимался, будто дыхание. Больше ничего не помню.

Кел сделал отметку в книге.

— А песня была?

— Какая песня?

— Когда камни везли.

— Может, и была. Бабка пела всё подряд.

— Слова про берег, воду, руки?

— Я долг уже списала.

Женщина показала ему лист. Кел улыбнулся.

— Списали пеню за три месяца. Если вспомните песню, можно обсудить основную сумму.

— Здесь написано: долг уменьшен до четырёх серебряных.

— Именно. Было пять и восемь медяков пени.

— Мне сказали, за рассказ простят всё.

— Кто сказал?

Свечница обернулась к писцу. Тот уже разговаривал с мельничихой и не поднял головы. Кел расправил лист в её руках и провёл ногтем по строке.

— Видите: «за сведения, признанные полезными палатой». Полезной признана часть. За неё и сделан вычет.

— Я поставила палец, потому что писец прочитал иначе.

— Он прочитал ровно то, что написано.

— Я не умею читать.

— Поэтому вам и читали вслух при двух свидетелях.

Свидетели сидели по концам стола и смотрели каждый в свою сторону.

Савел подошёл к лавке.

— Покажите расписку.

Кел закрыл счётную книгу.

— Вы теперь проверяете бумаги Ливеи, смотритель?

— Я проверяю, за что людей ведут к моему мосту.

— Никого не ведут. Госпожа Сая пришла сама.

Свечница протянула Савелу лист. Он читал медленно. Буквы знал хорошо, но писцы долговой палаты умели укладывать простую вещь в такую тесноту слов, что человек успевал устать прежде, чем находил цену.

Сая задолжала торговому дому Вирта четыре серебряных за воск, фитиль и место на складе. Дом Вирта передал право взыскания ливейской палате. Палата добавила плату за перепись, печать, двух посыльных и хранение расписки. Гард Нор выкупил право требования за сумму, которая в листе не называлась. Теперь должница могла гасить долг монетой, товаром, работой либо «сведениями о сооружениях, дорогах, старых правах и обычаях, имеющими пользу для управления заставой». Полезность определял держатель расписки.

Под пальцем Саи стояла свежая строка: вычет в восемь медяков.

— Вы сказали ей, что простите долг за рассказ? — спросил Савел.

— Я ничего ей не говорил, — ответил Кел. — Я служащий, не держатель.

— А писец?

— Спросите писца.

Сая забрала лист.

— Мне у часовни сказали, — призналась она. — Девка в зелёном. У неё на шее был такой же круг.

— Имя?

— Не спросила.

— Что именно сказала?

— Что господин наместник даёт бедным честный выход. Одно старое предание за одну расписку.

Кел развёл руками.

— Предание вы рассказали. Расписка осталась у вас. Ни одного ложного слова.

Сая встала так резко, что лавка качнулась.

— Верните мне бабкины слова.

Кел не засмеялся. От этого его лицо стало неприятнее.

— Слова остались при вас.

— Тогда и восемь медяков заберите.

— Сделанный вычет возврату не подлежит.

Она замахнулась распиской, словно могла хлестнуть его бумагой, но Савел придержал её за локоть.

— Не здесь.

— А где? — спросила Сая. — На вашем берегу? Там у меня другой долг.

Она выдернула руку и ушла к дороге. Красный платок плыл над толпой, пока не скрылся за гончарными коробами.

— Выгодная служба, — сказал Савел Келу. — Покупаете то, чего нельзя вернуть, а цену назначаете после покупки.

— Люди продают время, руки, урожай, — ответил Кел. — Почему память должна быть особенной?

— Потому что вы врётё о плате.

— Вы это докажете?

Кел постучал ногтем по закрытой книге.

— У нас есть расписка, два свидетеля и добровольный рассказ. У вас — недовольство женщины, которая надеялась получить больше. Если бы мостовая пошлина прощала телегу за одну песню, очередь выстроилась бы до княжеских ворот.

— Моя пошлина написана на доске.

— А причина закрытия — нет.

Кел попал точно. Савел услышал это и потому не стал отвечать сразу.

У стола тем временем мельничиха положила перед писцом кожаный мешочек. Писец высыпал на ладонь три монеты, пересчитал и вернул одну.

— Почему она платит, если вы списываете долги рассказами? — спросил Савел.

— У каждого свой договор.

— У каждого своя ловушка.

— У каждого свой долг.

Кел поднялся с лавки. Он был ниже Савела и моложе, но держался так, словно за его плечом стояла не пара стражников, а весь порядок двух княжеств.

— Ваш рыбак Ратка задолжал за зимнюю соль. Сая — за воск. Мельничиха взяла зерно после пожара и не вернула. Гончары разбили заказ и должны купцу возмещение. Их никто не заставлял брать чужое.

— А Гард купил их расписки дешевле полной суммы.

— Риск стоит денег.

— Какой риск? Люди всё равно должны ему целиком.

— Могут не заплатить.

— Тогда вы заберёте лодку, двор, круг или рассказ.

— Не мы придумали долги, смотритель.

Савел посмотрел на наместника. Гард беседовал со старшим гончаром, матерью Иары. Женщина держала руки на столе ладонями вниз, будто боялась, что у неё отнимут даже пальцы. Гард слушал внимательно, иногда кивал. Со стороны он казался единственным человеком здесь, который не торопит должника.

— А это вы придумали, — сказал Савел. — Брать рассказ вместо серебра.

— Это милосерднее долговой ямы.

— Тогда почему рассказ надо проверять на мосту?

Взгляд Кела на миг ушёл к первому пролёту.

Этого было достаточно.

— Я не говорил, что надо, — произнёс он.

— Ты вчера привёл Ратку на переправу.

— Он сам шёл домой.

— И сам остановился там, куда ты указал.

— Может быть, господин наместник объяснит вам лучше.

Кел отступил к столу, освобождая дорогу. Приглашение было похоже на уступку, но Савел понял: Гард ждал этого разговора с самого появления навеса.

Наместник закончил с гончаркой. Та получила лист с красной чертой через половину текста. Не улыбнулась, но плечи у неё опустились, как после снятого короба.

— Господин Вереж, — сказал Гард. — Благодарю, что нашли время сойти со своего моста.

— Он не мой.

— Хорошее начало.

У Гарда были светлые глаза и густые седые брови. Лицо широкое, обветренное, без мягкости человека, который всю жизнь провёл у печатей. На указательном пальце темнело пятно чернил.

— Уберите людей от переправы, — сказал Савел.

— Они за белым камнем.

— Вчера ваш служащий проверял рассказ на первом пролёте.

— Вчера я здесь не был.

— Сегодня вы здесь. Запретите ему.

Гард повернулся к Келу.

— Господин Орам, смотритель запрещал вам останавливаться на мосту?

— После того как рыбак произнёс слово.

— Вы исполнили запрет?

— Немедленно.

Гард снова посмотрел на Савела.

— Что ещё должен сделать наместник?

— Не притворяйтесь, будто не знаете, что собираете.

— Я собираю долги.

— Вы собираете слова о мосте.

— И о дорогах, старых межах, заброшенных бродах, правах на лес, мельничных каналах.

Застава должна знать землю, которой управляет.

— Застава управляет дорогой. Не камнем под нею.

— Камень ломается — дорога закрывается. Сегодня это почувствовали оба берега.

Гард указал на очередь телег.

— Вы закрыли проезд единолично. Не предъявили заключения мастеров. Не объяснили, какая опасность возникла. Вернули мелкую пошлину и оставили людей терять товар. А теперь хотите запретить им рассказывать то, что помнят их семьи.

— Я хочу, чтобы ваши писцы не испытывали каждое слово на арках.

— Почему?

Вопрос прозвучал просто. Писец за столом перестал шуршать бумагой. Кел стоял неподвижно. Даже гончарка задержалась в нескольких шагах.

Савел мог сказать: потому что мост держится на молчании. Но это уже было частью тайны. Мог сказать: потому что одно слово вчера ослабило первый пролёт. Тогда Гард узнает, что проверка удалась. Мог сослаться на право дома Вережей, и наместник немедленно превратит спор в борьбу за пошлину.

— Потому что я отвечаю за безопасность переправы, — сказал он.

— Это не ответ. Это должность.

— Её достаточно, чтобы закрыть проезд.

— До первого судебного решения.

Гард достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Я не приехал отнимать у вас ключи. Пока. Я приехал предложить помощь. Долговая палата оплатит лес для подпорок и работу ливейских каменщиков. Взамен вы откроете книги расходов за последние десять лет и допустите моего человека к осмотру всех семи пролётов.

— Нет.

- Вы даже не прочитали условия.
- Моим аркам не нужен ваш писец.
- Моим людям нужен проезд.
- Вашим должникам нужен честный договор.

Гард не обиделся. Развернул лист и пригладил его на столе.

— Вот договор госпожи Эрсы, старшей гончарки. Её мастерская должна купцу девять серебряных за сорванный свадебный заказ. Половина посуды стоит сейчас у решётки. Если она не попадёт в Реден до вечера, сумма вырастет. Я выкупил долг, остановил пеню и принял в счёт три старые песни. Где здесь обман?

- Песни полезны вам не на девять серебряных.
- Возможно. Иногда человек продаёт горшок дешевле, чем тот стоит за рекой.
- Горшок можно отдать другому покупателю.
- И песню можно спеть другому слушателю.
- Не всякую.

Слова вырвались слишком быстро.

Гард чуть наклонил голову.

- Вот об этом я и хотел поговорить.

Савел почувствовал, как по спине под рубахой проходит холод, хотя день был тёплым.

Наместник сложил договор Эрсы и вернул писцу.

— Вы храните нечто, что влияет на общую дорогу. У вас есть право ухода за мостом, но нет права подвергать два княжества опасности ради семейной тайны. Если старые песни вредят кладке, объясните, какие именно. Я запрещаю их произносить на переправе.

- А копии оставите у себя.
- Я сохраняю всё, за что плачу.
- Значит, запрета не будет.
- Значит, вы не верите закону.
- Я не верю вам.

Гард улыбнулся одними губами.

- Это уже честнее.

К столу подвели старика с козой. Тот снял шапку перед наместником и держал её обеими руками. Коза потянулась к краю расписки. Писец отодвинул бумаги.

- Подождите, дедушка Нол, — сказал Гард. — Мы заканчиваем.

Старик закивал. На его шее Савел увидел шнурок с деревянной биркой. Такие бирки выдавали тем, кто брал семенное зерно из княжеского амбара.

- Сколько он должен? — спросил Савел.
- Два мешка ржи, — ответил Гард. — Или их стоимость после жатвы.
- А если не уродится?
- Отработает на дороге.
- Или расскажет песню.
- Если знает полезную.

Старик Нол переводил взгляд с одного на другого.

- Я знаю про быка, — сказал он. — Каменного. Мне отец показывал, где у него рога.

Савел сжал пальцы. Быками речники называли опоры между пролётами. Человек с берега мог считать это обычным прозвищем. Для зрителей названия частей моста часто входили в старые рабочие присказки.

- Где показывал? — спросил Кел.
- Под мостом. Мы мальцами лазили, когда вода падала.
- Молчите, — сказал Савел.

Нол захлопнул рот.

Гард медленно повернулся к Савелу.

— Вы запрещаете моему должнику говорить на ливейской земле?

— Я запрещаю вам вести его на переправу.

— Я никуда его не веду.

— Пока.

— Дедушка Нол, вы собирались идти на мост?

— Мне в Реден к дочке, — ответил старик. — Коза её.

— Видите? — Гард развёл руками. — Опять человек идёт сам.

Савел понял устройство ловушки. Расписка не требовала рассказывать на мосту. Палата покупала память за его пределами. Потом должник, уже получивший вычет, шёл домой через переправу, а Кел просил повторить одно слово для точности. Формально никто не тащил его силой. Отказаться можно было — если не боишься, что полезность рассказа пересмотрят, пеню вернут или работу на дороге назначат зимой.

— Нол, — сказал Савел, — сколько вам списывают?

Старик посмотрел на Гарда.

— Полмешка.

— За рассказ про каменного быка?

— Если господин признает полезным.

— А когда признает?

— После проверки, — ответил Кел.

— Где?

Кел промолчал.

Гард взял со стола чистый лист.

— Давайте прекратим спорить намёками. Назовите цену леса, работы и потерянной пошлины. Я оплачу всё сегодня. Вы расскажете мне, какие слова запрещены и почему.

— Нет.

— Тогда назовите судью, которому готовы открыть тайну.

— Нет.

— Мастера двух берегов?

— Они осмотрят камень, когда придут.

— Но не узнают причину.

— Им хватит того, что можно увидеть.

— Как хватило вашим отцу и деду?

Савел шагнул ближе.

— Не трогайте мою семью.

— Я говорю о должностных лицах.

— Они не были должностными лицами.

— Тем хуже. Одна семья собирает деньги за общую дорогу, сама решает, когда её закрыть, сама хранит причину поломки и сама объявляет свои решения достаточными. Вы осуждаете мои расписки за мелкий шрифт, но ваша расписка — весь мост. Люди платят, не зная условий.

Савел хотел сказать, что Гард сравнивает несравнимое. Что пошлина покупает проход, а не молчание. Что дом Вережей столетиями держал арки над водой. Но вспомнил Брана с дощечкой, Саину ладонь на бумаге и вопрос Тиса: какие старые слова запрещены? Каждый из них должен был угадывать правило, которое знал только Савел.

Это не делало Гарда правым. Делало его опаснее.

— Отдайте Нолу расписку, — сказал Савел.

— Заплатите за него два мешка ржи.

— Полмешка. Столько вы назначили за рассказ.

- Полмешка — вычет за сведения. Остальной долг никуда не исчезает.
- Тогда я заплачу полмешка, а сведения останутся у него.
- Гард посмотрел на старика. Нол сжал шапку так, что побелели костяшки.
- Согласны? — спросил наместник.
- Мне бы к дочке, — прошептал Нол.
- Это не ответ.

Савел услышал собственные утренние слова в голосе Гарда: не ответ, должность. Наместник умел подбирать чужие фразы и возвращать их уже заточенными.

- Согласен, — сказал Нол. — Если господин смотритель заплатит.
- Хорошо. Полмешка ржи до заката. Если не внесёте, рассказ остаётся частью расчёта.
- Гард велел писцу сделать помету. Савел смотрел, как перо выводит его имя рядом с чужим долгом.

- И никаких вопросов Нолу на мосту, — добавил он.
- Это условие между вами и Нолом, — сказал Гард. — Палата его не нарушит.
- Слишком легко.
- Вы уже записали рассказ?
- Разумеется.
- И Кел может проверить его на ком-нибудь другом.
- Если другой человек добровольно повторит те же слова.

Савел ударил ладонью по столу. Чернильница подпрыгнула. Стражники подняли копья, но Гард остановил их коротким движением.

— Вот поэтому ваш запрет ничего не стоит, — тихо сказал наместник. — Вы запрещаете рта, а память уже ходит между людьми. Хотите сохранить мост — предложите правило, которое можно исполнить. Не тайну, замаскированную под приказ.

- Вы специально разносите эту память.
- Я собираю сведения.
- Чтобы отнять переправу.
- Чтобы переправа перестала зависеть от настроения одного человека.

Они смотрели друг на друга через стол. Между ними лежали расписки, каждая с именем, суммой и чьей-то нуждой. Савел вдруг понял, что не сможет просто разогнать навес. На следующий день Гард поставит его дальше от моста. Запретит Келу приближаться, но пошлёт десяток должников, которые будут говорить друг с другом. Можно закрыть переправу для всех — и тогда оба берега потребуют ключи. Можно отнимать бумаги — и стать разбойником. Можно рассказать людям достаточно, чтобы они сами боялись опасных слов, но где кончается предупреждение и начинается формула, Савел пока не знал.

На мосту вскрикнули.

Савел обернулся. Тис стоял у белого камня, раскинув руки. Перед ним Бран вёл пустую телегу, а на телеге сидели четверо должников с расписками. Колёса ещё не въехали на первый пролёт.

- Пеших пускают! — кричал Бран. — Телега пустая!
- Люди сойдут! — отвечал Тис. — По одному!
- Где это написано?

Гард даже не повернул головы.

— Ваше правило уже исполняют, смотритель.

Савел бросился к мосту.

Должники слезали неохотно. Один хромал, другая держала ребёнка, третий прижимал к груди мешок. Бран спорил ради спора: пустая телега могла пройти, если люди шли рядом. Но он усадил их именно затем, чтобы заставить Савела либо уступить, либо выглядеть мучителем.

- Слезайте, — сказал Савел. — Телегу Тис проведёт сам.

— А я? — спросил Бран.

— Иди рядом.

— Я хозяин.

— Поэтому и пойдёшь.

Бран спрыгнул и демонстративно передал вожжи Тису. Должники двинулись следом. Савел шёл рядом, слушая их дыхание и стук колёс. На первом пролёте женщина с ребёнком начала тихо напевать.

— Не пойте, — сказал он.

Она замолчала.

— Почему?

— На мосту не надо старых песен.

— Это колыбельная.

— Откуда она?

— Мать пела.

— Про что?

— Не знаю. Без слов пою.

— Тогда можно.

Женщина прижала ребёнка крепче и больше не издала ни звука. Остальные смотрели на Савела. В их взглядах был уже не страх моста, а страх ошибиться рядом с человеком, который не объясняет правил.

У второго пролёта хромой мужчина сказал соседу:

— Нол знает про каменного быка. За это полмешка простили.

Савел остановился.

— Кто тебе сказал?

— У стола слышал.

— Не повторяй на мосту.

— Про быка?

Под ногами донёсся звук — не треск, а лёгкий песчаный шорох. Из шва у края плиты высыпалось несколько серых крупинок.

Савел опустился на колено. Второй пролёт. Не первый, ослабленный вчера. Серебряная нить в шве потемнела на длину ногтя.

Люди замерли.

— Вперёд, — сказал Савел. — Быстро. И молча.

На этот раз никто не спорил. Тис провёл телегу, Бран поспешил за нею. Савел остался у шва и приложил два пальца к камню. Холод был слабее вчерашнего, но он не ошибся. Обычное прозвище опоры оказалось существенным словом или частью, которая отзывалась на него. Гард получил не просто очередное предание. Он нашёл второй след.

Савел поднял голову. За белым камнем наместник всё ещё стоял у навеса. Расстояние скрывало выражение лица, но рядом Кел уже раскрыл счётную книгу.

Запретить Нолу было мало. Забрать одну расписку было мало. Даже закрыть Келу дорогу было мало. Слова перешли к людям быстрее, чем долг переходил от купца к палате.

Савел вынул из-за пояса уголь и обвёл потемневший шов. Рука дрогнула, линия получилась неровной.

— Что теперь? — спросил Тис, вернувшись без телеги.

Савел посмотрел на оба берега. На одном стоял его дом и пустел сборный ящик. На другом Гард покупал рассказы законными расписками. Между ними лежали семь пролётов, и молчание больше нельзя было удержать одной решёткой.

— Теперь выясним, какие слова уже проданы, — сказал он. — Все. И кому.

Глава 4. Слово ослабляет камень

Савел не позволил смести песок со второго пролёта.

Он накрыл серую россыпь перевёрнутым сборным ящиком и посадил рядом Тиса. Пустые телеги пришлось остановить снова. Возницы, только что поверившие в скорое открытие, встретили новый запрет хуже прежнего. С обеих сторон загремели борта, закричали люди, захрапели лошади.

— Если кто-нибудь поднимет ящик, бей по рукам, — сказал Савел.

Тис посмотрел на свои ладони.

— Кулаком?

— Палкой не надо. И кулаком не надо. Просто не давай.

— Тогда зачем вы сказали бить?

— Затем, что я зол.

Тис кивнул, будто такой ответ устраивал его больше любого приказа.

Савел спустился по служебной лестнице под мост. Вода после ночного ветра шла короткой крутой рябью и била в быки белой пеной. Под первым пролётом стояли четыре деревянных кружала. Их верхние дуги плотно принимали камень, клинья не вышли из пазов. Трещины над аркой оставались прежними, но серебряная сеть в растворе почти не светилась.

Он перешёл по нижним мосткам ко второму пролёту. Здесь временных подпорок не было. Каменная арка казалась целой, пока Савел не поднял фонарь к шву над левым плечом быка. Тонкая серебряная жилка потемнела ровно там, где наверху высыпался песок.

Савел достал мерную скобу. Вчера она входила в этот шов одним зубом. Теперь вошла двумя.

Он вытащил её, вытер о рукав и попробовал снова. Два зуба.

— Не ошибся? — спросил сверху ливейский каменщик.

Эрдан лежал животом на краю настила и смотрел вниз. У него была широкая рыжая борода, перехваченная кожаным шнурком, чтобы не лезла в раствор.

— Спускайся, — сказал Савел.

— Сам покажешь?

— Потому и зову.

Эрдан сошёл по лестнице, ворча на низкие перекладки. Следом полез реденский мастер Хорт. Они прибыли к концу утреннего осмотра, поставили подписи под разрешением для порожних телег и уже собирались разойтись по очередям за своими заказчиками. Теперь оба молча смотрели на скобу.

— Вчера мерил? — спросил Хорт.

Савел показал угольную черту на камне и зарубку рядом.

— Один зуб до черты.

— Может, раствор осыпался от телеги.

— Телега шла пустая.

— Пустая тоже весит.

Эрдан поднял фонарь ближе.

— Серебро мёртвое.

— Не мёртвое, — сказал Савел. — Ослабло.

— От чего?

Вопрос повис под аркой. Здесь, над водой и за пределами настила, можно было говорить свободнее: правило действовало на самой переправе, а не под ней. Но назвать мастерам причину означало открыть больше, чем Савел когда-либо открывал посторонним.

— Перед тем как посыпался шов, человек произнёс старое название этой опоры.

Хорт посмотрел на каменного быка.

— И что?

— И серебро погасло.

— Ты видел связь или решил, что видел?

Савел протянул ему скобу.

— Вчера на первом пролёте было то же. Другое слово, другая арка.

Эрдан поскрёб ногтем край шва. Несколько крупинок упали на настил.

— Серебряный раствор иногда уходит после мороза.

— Сейчас конец лета.

— Иногда после большой воды.

— Большой воды не было.

— Иногда потому, что серебра в нём меньше, чем записано в расходной книге.

Хорт присвистнул. Савел повернулся к ливейцу.

— Моя семья не крада серебро.

— Я не сказал, что крада. Я перечисляю причины, которые можно потрогать. Слово потрогать нельзя.

— Шов потрогай.

— Шов треснул. Почему — пока не знаю.

Савел едва не приказал им подняться. Старое право позволяло зрителю удалить любого мастера из-под переправы. Но тогда он останется с двумя повреждёнными пролётами и собственным знанием, которому никто не обязан верить.

— Нужна проба, — сказал Хорт.

— Какая?

— Сравним раствор дальше по арке. Простучим камень, измерим швы. Если слабость только у серебряной жилы, одно. Если вся кладка поползла, другое.

— Без слов наверху.

Хорт нахмурился.

— Мы работаем молотками, а не песнями.

— Даже старых названий не произносите.

— Каких?

— Никаких. Показывайте пальцем.

Эрдан рассмеялся, но смех быстро стих под Савеловым взглядом.

— Ладно, зритель. До осмотра будем немыми. Потом ты объяснишь, что за детская страшилка заставила тебя закрыть дорогу.

Они начали с простукивания. Хорт бил маленьким молотком по каждому камню, Эрдан слушал через деревянную рукоять, приставленную к кладке. Савел отмечал углём глухие места. Их оказалось три у потемневшего шва и ни одного дальше по дуге. Потом измерили зазор сверху и снизу. Камни не сдвинулись, но раствор потерял сцепление на длину локтя.

— Если пропустить гружёную телегу, может выдержать, — сказал Хорт.

— А может? — спросил Савел.

— Может выбить крайний камень. За ним пойдёт соседний.

— Значит, не пропустим.

— Я сказал не это.

— Ты сказал достаточно.

Эрдан снял шнурок с бороды и снова затянул туже.

— Порожние по оси ещё можно. Пешие по краям. Тяжёлые — нет, пока не выскоблим рыхлое и не забьём новый раствор.

— Обычный раствор не вернёт серебряную сеть, — сказал Савел.

— А твоя сеть держит сейчас?

Савел посмотрел на потемневшую жилу.

— Хуже, чем вчера.

— Тогда обычный раствор хотя бы не притворяется чудом.

Эти слова задели, потому что были похожи на правду. Дом Вережей каждый год подновлял кладку, менял плиты, ставил подпорки. Но в семейных рассказах мост держало молчание, а ремесло будто лишь обслуживало вечное заклинание. Сейчас четыре кружала под первой аркой и молоток Хорта приносили больше пользы, чем всё наследственное величие.

— Сколько времени? — спросил Савел.

— На второй пролёт — день, если раствор готов и дадут людей, — ответил Эрдан. — На первый не лезу, пока не снимем часть веса. Там четыре кружала мало.

— Нужно ещё два.

— Нужно шесть и поперечная рама.

— Пять хватит.

— Тогда зови другого мастера.

Савел поднял фонарь к его лицу. Эрдан не отвёл глаз.

— Шесть, — согласился Савел.

Когда они выбрались наверх, очередь уже знала, что произошло. Никто не мог видеть шов под ящиком, но слух успел сделать трещину шириной в ладонь, потом в локоть, потом расколоть весь второй пролёт. Бран стоял на парапете и рассказывал, что камень просел под его пустой телегой. Женщина с ребёнком плакала: ей сказали, будто она разрушила мост колыбельной.

— Слезь, — велел Савел Брану.

— Чтобы ты спрятал трещину?

— Чтобы не свалился в воду раньше камня.

— Люди имеют право видеть.

— Увидят мастера. Ты закупщик мяса.

— Я плачу пошлину.

— Сегодня не платил.

— Потому что ты не пропускаешь!

Хорт свистнул так резко, что умолкли ближайшие возницы.

— Второй пролёт потерял раствор в одном шве, — объявил он. — Арка стоит. Для тяжёлых телег проход закрыт до ремонта. Порожние можно вести по одной после разрешения смотрителя.

— А первый? — спросили из толпы.

— Первый стоит на кружалах. Нужны ещё две рамы.

— Когда откроют?

Эрдан ответил раньше Савела:

— Если дадите людей и материал — второй завтра. Первый не обещаю.

Толпа заговорила сразу. Теперь вопросы были не только к Савелу. Эрдану кричали о растворе, Хорту — о нагрузке, таможенному старшине — о пропуске порожних телег. Гнев не исчез, но разделился на задачи. Савел почувствовал облегчение и почти сразу — укол стыда. Он привык считать, что только его твёрдость удерживает людей от беды. Оказалось, иногда достаточно дать им двух мастеров и точный срок.

За ливейским белым камнем полосатый навес Гарда уже сворачивали. Стражники снимали знак долговой палаты. Кел закрывал ящик с расписками. Сам наместник разговаривал с Нолом и не смотрел на мост.

— Тис, — сказал Савел. — Возьми Хорта и проверьте каждую порожнюю телегу. Никаких бочек с двойным дном, мешков под сеном и пассажиров.

— А вы?

— За рожью.

Он нашёл Миру во дворе постоянного дома. Она стояла у пустого котла и соскребала со дна приставшую кашу. Посетители заняли все лавки, ели хлеб с луком и спорили о том, где дешевле нанять лодку. На Савела оборачивались, но никто не подошёл: по его лицу, должно быть, было видно, что хорошей новости нет.

— Мне нужно полмешка ржи, — сказал он.

Мира не перестала скрести котёл.

— У нас осталось два.

— Я верну.

— Откуда?

— Когда откроем проезд.

— Тогда нам привезут муку, и рожь всё равно понадобится.

— Я обещал до заката.

Мира положила ложку.

— Кому?

— Долговой палате. За Нола.

— Какого Нола?

— Старика с козой.

— Ты купил козу?

— Его рассказ.

Она смотрела на него несколько ударов сердца. Потом взяла котёл обеими руками и отнесла к кадке, будто разговор можно было продолжить только после того, как она закончит дело. Савел пошёл следом.

— Я не покупал рассказ. Я заплатил, чтобы он не отдавал его Гарду.

— Отдал?

— Уже успел.

— Тогда за что рожь?

— Чтобы Кел не заставил его повторять слова на мосту.

— Заставил?

— Другой человек повторил.

Мира поставила котёл на землю.

— И?

— Второй пролёт ослаб.

Шум двора словно отодвинулся. Мира вытерла руки о передник.

— Насколько?

— Тяжёлые телеги не пушу. Порожние по одной. Нужно шесть кружал под первый и новый раствор во второй.

— Сколько это стоит?

— Не знаю.

— Сколько у нас есть, знаешь?

— Книгу ведёшь ты.

— Вот именно.

Она повела его в кладовую. Здесь пахло мукой, сушёными яблоками и мышиним корнем, который Мира раскладывала по углам. На полках стояли горшки с крупой, под потолком висели связки лука. Два мешка ржи лежали у стены. Один был начат.

Мира сняла с гвоздя маленькую дощечку. На ней углём были записаны расходы последних дней.

— Вчера мы вернули пошлины за восемнадцать телег, — сказала она. — Сегодня не взяли ничего. На кружала ушло два серебряных и шесть медяков, потому что плотники бро-

сили другую работу. Лекарю за возчика заплатила я: ливейский старшина обещал вернуть, но пока не вернул. Каша принесла девять медяков. Ночлег — одиннадцать. Лодочник просит втрое за муку.

— Мы можем взять из ремонтной доли.

— Взяли вчера на плотников.

— Из зимнего запаса.

— Тогда зимой возьмём в долг.

Последние слова она произнесла без нажима. Савел посмотрел на два мешка и понял, что Гард уже сидит между ними, хотя никогда не входил в кладовую.

— Полмешка, — повторил он. — Я дал слово.

— Кому дал? Старику или Гарду?

— При обоих.

— Нолу помог. Это правильно. Только не называй это бесплатным решением.

Мира отвязала мерный совок от мешка.

— Я и не называю.

— Называешь каждый раз, когда обещаешь, не спросив, чем семья заплатит.

Она стала отмерять рожь в меньший мешок. Совок входил в зерно с сухим шорохом. После каждого мерила Мира делала черту на дощечке.

— Гард предложил оплатить ремонт, — сказал Савел.

Рука Миры остановилась.

— За что?

— За книги расходов и осмотр всех пролётов его человеком.

— Ты отказал.

— Конечно.

— Я не сказала, что надо соглашаться. Я проверяю, был ли у тебя разговор с самим собой.

— Ему нужны не расходы. Ему нужны слова.

— А людям нужен мост.

— Ты хочешь отдать ему тайну?

— Не подменяй вопрос. Я хочу знать, сколько дней мы выдержим и что можно показать без вреда.

Савел прислонился плечом к косяку.

— Если назвать существенное слово на переправе, слабеет связанный пролёт. Вчера сказали одно — пострадал первый. Сегодня другое — второй.

Мира медленно опустила совок.

— Сколько их?

Он не ответил.

— Савел.

— Я не знаю наверняка.

Это было не полной ложью и не полной правдой. Отец говорил о семи опорах молчания, но не давал Савелу списка. Формулу он передал однажды целиком, ночью под мостом, шёпотом сквозь шум половодья. Савел запомнил последовательность звуков, не понимая, где кончается одно слово и начинается другое. Потом отец заставил его повторить формулу на дальнем берегу, за три версты от переправы, и сжёг дощечку с подсказкой.

— Сколько ты предполагаешь? — спросила Мира.

— По одному на пролёт.

— Семь.

— Возможно.

— Два уже у Гарда?

— Он знает рассказы, в которых они встретились. Может не знать сами слова.

— Но проверяет.

— Да.

Мира завязала мешок. Полмешка ржи оказалось достаточно тяжёлым, чтобы одному человеку пришлось взваливать его с колена.

— Лада должна знать, — сказала она.

— Нет.

— Она ходит по мосту каждый день.

— Поэтому не должна.

— Тис тоже ходит. Ему ты сказал не пускать старые рассказы, и он теперь угадывает. Ты заставляешь детей охранять то, чего им не объясняешь.

— Лада не ребёнок.

— Тем более.

Савел поднял мешок на плечо. Зерно осело, край впился в шею.

— Я расскажу столько, сколько безопасно.

— Ты вчера уже обещал это.

— Вчера я не знал про второй пролёт.

— А сегодня знаешь. Посмотрим, сделало ли знание тебя щедрее.

Он вышел из кладовой, не ответив. Во дворе дорогу ему преградила Лада. На её рукаве темнело лекарское пятно, волосы были собраны кое-как, на щеке осталась полоска пыли.

— Куда зерно?

— Нолу.

— Почему?

— Я выкупил часть его долга.

— У Гарда?

— Да.

— Мама знает?

Мира вышла следом с дощечкой.

— Теперь знает.

Лада взялась за нижний угол мешка.

— Давай помогу.

— Я донесу.

— Вижу. Поэтому помогаю.

Они понесли мешок вдвоём. Савел держал горловину, Лада поддерживала дно. Мира пошла рядом. На дороге люди расступались, решив, вероятно, что смотритель несёт материал для ремонта. Кто-то спросил, зачем мосту рожь. Лада ответила:

— Чтобы слова не ели камень.

Савел дёрнул мешок к себе.

— Не говори так на переправе.

— Почему?

— Потому.

Она отпустила мешок. Весь вес рухнул Савелу на плечо, он едва удержался.

— Вот твоё безопасное объяснение? — спросила Лада.

Мира подняла мешок снизу вместо неё.

— Не здесь, — сказала она обоим. — Сначала долг.

На ливейской стороне полосатый навес уже сняли. Стол стоял голый, бумаги были упакованы. Гард собирался уехать до темноты. Нол ждал рядом с козой и то и дело смотрел на дорогу к дочери.

Писец принял зерно не сразу. Он проткнул мешок мерной трубкой, растёр зёрна на ладони, понюхал и заявил, что рожь прошлогодняя.

— Она сухая, — сказала Мира.

— Прошлогодняя дешевле.

— В вашей расписке указано полмешка, а не цена свежего зерна.

Писец развернул лист.

— «Рожь посевного качества».

Мира взяла несколько зёрен, раскусила одно.

— Это наш зимний посевной запас. Если не взойдёт, вернёте двойную меру. Запишите.

— Палата не принимает обратных условий.

— Тогда палата не получит рожь.

Она потянула мешок к себе. Писец удержал другой край.

— Подождите.

Гард подошёл, посмотрел зерно и кивнул.

— Принять по полной мере.

Писец недовольно поставил отметку. Нолу вернули деревянную бирку, но его основная расписка осталась у палаты: Савел оплатил лишь вычет за рассказ. Старик поцеловал бирку и спрятал за пазуху.

— Теперь вы ничего им не должны за слова, — сказал Савел.

— За эти слова, — уточнил Гард.

Нол поспешно закивал обоим и повёл козу к мосту.

— Проведите его сами, — велел Савел Ладе. — И чтобы на переправе молчал.

— Что именно ему нельзя говорить?

— Ничего о камне.

— А если коза боднёт?

— Лада.

Она посмотрела на мать. Мира едва заметно качнула головой, и Лада ушла вслед за Нолом.

Гард проводил её взглядом.

— Наследница? — спросил он.

— Речной мастер, — ответила Мира.

— Пока ученица, — сказал Савел.

— Значит, не наследница, — заключил Гард. — Удобно. Можно хранить семейное право, не спрашивая следующего владельца.

— Вы получили зерно, — сказал Савел. — Уезжайте.

— Я получил подтверждение, что ваша семья уже платит чужие долги ради молчания. Завтра таких должников будет больше.

— Вы угрожаете?

— Считаю.

Гард указал на очередь. У многих на шее или поясе висели долговые бирки. Савел раньше видел их, но не замечал числа. Бирка за семенное зерно, медное кольцо ремесленного займа, синяя нить вдовьей отсрочки, дощечка складского сбора. Наместнику не требовалось покупать весь берег. Достаточно было выбрать тех, кому нечем платить до зимы.

— Закроете стол здесь — открою в Круче, — продолжил Гард. — Запретите Келу переход — люди сами принесут рассказы. Заплатите за одного — придут десять. Ваше молчание стало товаром, господин Вереж. А товар дорожает, когда его прячут.

Мира ответила прежде Савела:

— Товар можно не только купить. Можно испортить.

Гард посмотрел на неё с новым вниманием.

— Каким образом?

— Если бы знала, не рассказывала бы вам бесплатно.

Она повернулась и пошла к мосту. Савел догнал её у белого камня.

— Что ты имела в виду?

— Пока ничего. Но ты ищешь, как запретить семь слов. Я думаю, как сделать тысячу рассказов бесполезными.

— Ложные рассказы?

— Ложь вернётся против нас. Люди начнут проверять всё на мосту.

— Тогда что?

— Сначала узнаем, что именно куплено. Ты сам это решил, разве нет?

Савел остановился.

— Откуда знаешь?

— У тебя лицо человека, который придумал работу для всей семьи.

На первом пролёте Нол шёл впереди Лады, крепко зажав рот ладонью. Коза тянула его к парапету. Лада увидела родителей и показала пальцем на Тиса. Тот стоял возле сборного ящика, а рядом на корточках сидела женщина с ребёнком. Она шептала ему ту самую бессловесную колыбельную, теперь едва слышно.

Савел хотел снова запретить. Потом прислушался. В мелодии не было ни одного слова, только дыхание и покачивание. Мост не отзывался.

— Сегодня вечером, — сказал он Мире. — Соберём всех, кто рассказывал палате. За закрытыми дверями, не на мосту.

— Они придут?

— Если предложим еду.

— Еда кончается.

— Тогда предложим свидетельство. Пусть каждый назовёт сумму долга, обещанный вычет и настоящий. Запишем при людях.

Мира посмотрела на него.

— Открытая книга?

— Не наша. Их.

— Начало неплохое.

— А потом отделим безопасные рассказы от тех, что трогают камень.

— Как?

Савел посмотрел на угольную линию вокруг второго шва. Прямой проверки он больше не допустит. Но повреждения уже показали два места, два слова и две семейные памяти. Между ними должна была быть связь, которую отец когда-то счёл слишком опасной даже для записи.

— Сначала сравню всё, что помню сам, — сказал он. — Не произнося.

Мира взяла его за запястье.

— И расскажешь нам с Ладой столько, чтобы мы не повторяли опасное по незнанию.

Он почувствовал на коже её пальцы, тёплые и твёрдые.

— Да.

Обещание далось тяжелее мешка ржи.

За спиной Гард сел на коня. Колёса его дорожной повозки покатались в сторону Ливеи, увозя ящик расписок и записанные предания. На мосту Хорт и Эрдан уже спорили, какой песок брать для нового раствора. Их спор был громким, грубым и безопасным. Савел впервые за день слушал его с благодарностью.

Глава 5. Дом, который кормит мост

К вечеру постоянный двор наполнился людьми, у которых не было денег уехать.

Те, у кого деньги оставались, наняли лодки или повернули к верхнему броду. Остальные сидели под навесом, держали возле ног узлы и ждали, будто мост мог починиться от одного терпения. Мира вынесла во двор длинные столы, но велела не ставить миски, пока каждый не назовёт, чем заплатит. Медяк, связка хвороста, час у колодца, помощь на кухне — годилось всё. Бесплатная похлёбка на одну ночь обернулась бы голодными людьми у ворот на следующую.

Савел стоял возле амбарной двери и считал не посетителей, а остатки. Два окорока под стропилами. Полкороба репы. Лук. Сушёная рыба, которую берегли для осенней ярмарки. Ржи после платы за Нола осталось меньше полутора мешков. Мука должна была прибыть утром, но возчик с ливейской стороны не мог провести гружёную телегу. Лодочник запросил три обычные цены и половину вперёд.

У моста всё измерялось камнем, деревом и нагрузкой. Здесь те же решения превращались в порции.

— Не стой на проходе, — сказала Мира.

Она несла котёл вместе с Саяй, свечницей. Сая была маленькой, жилистой и держалась за раскалённую дужку через вдвое сложенный передник. Савел посторонился.

— Она будет на собрании? — спросил он.

— Уже на нём. Просто люди лучше говорят, когда заняты руками.

Сая поставила котёл на каменный очаг и выпрямилась.

— В палате мне сказали, что спишут день пени за каждую полезную строку. Я отдала четыре. Потом оказалось, полезной признали одну, а восемь медяков — это не день пени.

— Семь, — поправила Мира.

— В расписке восемь.

— Восемь списали, один взяли за перепись долговой бирки. Итого семь.

Сая стиснула губы.

— Вот поэтому я пришла.

Мира указала на лавку у стены, где лежали дощечки, обрезки бумаги и три угольных палочки.

— Запиши имя, чей долг был сначала, кто держит теперь, сколько обещали и сколько вышло. Если не умеешь писать, Лада запишет при тебе и прочитает вслух.

— А рассказ?

— Пока нет. Сначала деньги.

Савел посмотрел на жену. Днём они собирались сравнить предания, чтобы понять, какие слова ищет Гард. Теперь Мира отделяла рассказы от расписок так же уверенно, как мастер отделяет гнилой раствор от целого.

— Нам нужно знать, что они отдали, — сказал он.

— Будем знать. Но не смешивай всё сразу. Человек начнёт вспоминать бабкину песню и забудет, что ему обещали серебряк, а дали три медяка.

— Обещали вычет, — возразила Сая. — Не деньги.

— Тем более запиши точно.

Во двор вошёл Ратка. Рыбак принёс плетёную корзину, из которой пахло речной тиной. Поставил перед Мирой.

— Два линия и щука. За еду и место у стены.

— Щука худая.

— Река нынче тоже небогатая.

— Еда и место до рассвета. Потом поможешь вынести золу.

— Если мост не откроют?

— Тогда снова договоримся.

Ратка кивнул на Савела.

— Я ему уже помог.

— Ему ты помог сохранить мост. Дом от этого сытнее не стал.

Рыбак усмехнулся и пошёл к лавке. Следом пришла гончарка Эrsa с дочерью Иарой. Они принесли треснувший кувшин, полный мелких монет. Иара высыпала деньги перед Мирой и сразу отделила два медяка.

— Эти за место для матери. Я вернусь к печам.

— Ночью? — спросил Савел.

— Если не растопим до рассвета, испортим всю закладку. Через мост телегу не провести, повезём глину лодкой.

Эrsa села тяжело, положив ладони на колени.

— У нас палата взяла три песни. Одну от моей матери, две от покойного мужа. Пообещали остановить пенью до первого снега.

— Остановили? — спросила Лада, принимая у неё долговую бирку.

— На бумаге написано «до первого холодного дня».

— Это не одно и то же.

— Я тоже так сказала. Кел ответил, что снег в каждом княжестве свой, а холодный день определяет наместник.

Лада записала фразу и так сильно нажала углём, что сломала палочку.

Савел поднял обломок.

— Легче.

— Им тоже скажи.

— Скажу, когда будет чем доказать.

— Вот мы и доказываем.

Она взяла другую палочку. Перед ней уже лежали семь дощечек. На каждой — имя, прежний заимодавец, палата, обещание и настоящий вычет. Мира распорядилась ставить отдельную зарубку, если Кел или другой служащий просил произнести часть рассказа именно на переправе. Таких зарубок было четыре.

Савел пересчитал их и почувствовал, как холодеет спина.

— Все четверо переходили в разное время? — спросил он.

Сая пожала плечами.

— Меня водили после полудня.

— Меня утром, — сказал Ратка. — Пока очередь была короче.

— Мать не водили, — ответила Иара. — Песни принял писец у стола.

Эrsa тронула дочь за локоть.

— Одну строчку он попросил напеть на середине. Сказал, там лучше слышно.

Иара резко обернулась.

— Ты не говорила.

— Ты и так ругалась бы.

— Какую строчку? — спросил Савел.

Мира заслонила Эрсу ладонью, будто останавливала горячую крышку.

— Не здесь. И не вслух при всех.

— Двор не переправа.

— Знаю. Но если двадцать человек услышат строчку, завтра кто-нибудь повторит её там из любопытства.

Савел хотел возразить и не нашёл чем. Он сам днём понял, что купленная память переходит от человека к человеку быстрее любого запрета.

— Запишите первые буквы слов, — сказал он.

— Она не умеет писать, — напомнила Иара.

— Тогда покажет мне вне двора.

— Почему тебе одному?

Вопрос задала Лада. Она не подняла головы от дощечки, но люди поблизости замолчали.

— Потому что я знаю семейные предания, — ответил Савел. — Смогу узнать опасное.

— А если тебя не будет?

— Я здесь.

— Сегодня.

Мира стукнула половником по краю котла.

— Спор продолжите дома. Сейчас собираем то, что можно сравнить без песен.

Она велела Тису впустить следующую группу. Вошли возчик Бран, вдова с синей нитью отсрочки, двое братьев-угольщиков и хромой мужчина, чьи слова ослабили второй пролёт. Увидев Савела, он остановился у ворот.

— Меня звали не затем, чтобы бить? — спросил он.

— Бить не будут, — сказала Мира.

— Он обещал сломать мне вторую ногу.

Все посмотрели на Савела.

— Не обещал, — сказал тот. — Я спросил, нужна ли тебе вторая такая же.

— А разница?

— Небольшая, — признал Савел. — Садись.

Мужчину звали Вег. Он чинил кровли в Редене, зимой упал с башни, весной занял деньги у подрядчика, а летом его расписка оказалась у палаты Гарда. За повтор рассказа о каменном быке ему обещали снять треть долга. Сняли плату за один рабочий день.

— Почему согласился произнести на мосту? — спросила Лада.

— Потому что Кел сказал: если слова пустые, ничего не стоят. Если старые и верные — наместник заплатит больше.

— Заплатил?

— Я пришёл спорить. Писец показал строчку: «Размер пользы определяется после проверки». Моя метка под ней.

— Читать умеешь?

— Имя своё. Ещё «пиво» и «не влезай».

Несколько человек засмеялись. Вег тоже, но смех оборвался, когда Мира положила перед ним кусок хлеба.

— Что ты получил кроме вычета? — спросила она.

— Кружку пива. До проверки.

— Запишем и её.

— Зачем?

— Чтобы знать, сколько стоит мост для наместника.

Лада записала. Савел сел рядом и стал складывать суммы. Мира принесла семейную счётную доску: тёмные косточки означали серебряки, светлые — медяки, красные — обязательства без назначенной цены. За первый час пришли девятнадцать должников. Палата обещала им выгоды почти на двенадцать серебряных, а дала меньше трёх. Четверым вместо вычета только остановили пеню. Двоим начислили плату за перепись. Один получил мешок угля, который записали как новый заём.

Гард не покупал рассказы дорого. Он покупал надежду дешево и назначал цену после того, как человек уже отдал память.

Во дворе загудели, когда Лада прочитала итог. Угольщик потребовал немедленно идти к заставе. Сая предложила вывалить перед палатой испорченный воск. Бран кричал, что

надо перекрыть мост уже для служащих Гарда, хотя утром сам грозил сломать ворота из-за задержки.

— Сядьте, — сказала Мира.

Её слышали не все. Тогда она взяла пустой медный таз и уронила на камни. Грохот ударил под навес и вернулся от стен.

— Если пойдёте сейчас, — продолжила она, — у вас отберут бирки за угрозу палате. Если вывалите воск, вам запишут порчу имущества. Если закроете мост только для Гарда, он пришлёт княжескую стражу и откроет его для всех телег, включая тяжёлые. Мы собрали не повод для драки. Мы собрали счёт.

— Кому его предъявлять? — спросила вдова.

— Сначала друг другу. Завтра каждый получит копию своей строки и общий итог. Потом найдём людей обоих берегов, которые подтвердят обещания палаты.

— У палаты печати, — сказал Бран. — А у тебя уголь на старой двери.

Лада перевернула дощечку в руках.

— У них одна печать. У нас девятнадцать свидетелей.

— Свидетель тоже должен.

— Поэтому один молчит. Девятнадцать могут говорить по очереди.

Савел увидел, как Мира посмотрела на дочь. Не с удивлением — с одобрением, которого от него Лада давно не ждала.

— Поставьте метки, — сказал он. — Не под рассказами. Под тем, что обещали и что списали. Завтра позовём мастеров и торговых старшин. Пусть видят разницу.

— А мост? — спросил Вег. — Моя глупость его правда повредила?

Во дворе опять стало тихо.

Савел мог сказать «нет». Это успокоило бы людей и облегчило сбор показаний. Мог ответить «не твоё дело», как отвечал отец. Тогда Вег ушёл бы с виной, но без знания, как не повторить ошибку.

— Повредила не твоя глупость, — сказал Савел. — Повредило слово, которое тебя уговорили проверить на переправе. Одно из старых слов связано со вторым пролётом. После него раствор ослаб.

Сая отодвинулась от стола.

— Значит, и наши песни могут обрушить мост?

— Не всякая песня. Не всякое слово. Но некоторые старые названия и приказы опасны, если произнести их на камне.

— Какие?

— Их я не назову.

Люди заговорили разом. Савел поднял обе руки.

— С сегодняшнего дня на мосту не повторяйте предания о его кладке, опорах и первом смотрителе. Не исполняйте просьб проверить старую строку. Обычный разговор безопасен. Имена людей, цены, ругань, дорожные команды мост не трогают.

— Откуда нам знать, где обычное, а где старое? — спросила Эрса.

— Пока не знаете — не рассказывайте на переправе ничего о самом мосте.

— Так бы и сказал утром, — буркнул Бран.

— Утром я думал, что смогу запретить по одному человеку.

— А теперь поумнел?

— Теперь нас девятнадцать, — ответила Лада. — При вас ему труднее оставаться глупым. На этот раз засмеялись громче. Савел позволил смеху пройти. Он заслужил.

После похлёбки должники стали расходиться. Мира никого не отпустила без метки на записи. Тем, кто не умел писать, давала выбрать знак и дважды спрашивала, признают ли они строку. Лада читала вслух. Тис копировал дощечки на полосы дешёвой бумаги. Савел перено-

сил суммы на счётную доску и впервые видел, как его дом работает не придатком к мосту, а местом, где оба берега могут сложить отдельные обиды в одно доказательство.

За воротами уже стемнело, когда Мира заперла за последним человеком. В котле осталась одна порция похлёбки. Она выскребла её в миску, поставила перед Савелом и сама села напротив с кружкой воды.

— А ты? — спросил он.

— Ела на кухне.

Лада принесла дощечки и сложила на стол.

— Я не ела.

Мира подвинула ей половину хлеба. Савел разделил похлёбку, но дочь качнула головой.

— Сначала обещанное безопасное объяснение.

— Еда остынет.

— Камень тоже остывает. Ты всё равно его меряешь.

Савел положил ложку. За стеной Тис возился с засовом. В конюшне фыркнула лошадь. Дом жил обычными звуками, и от этого разговор казался опаснее, чем под аркой над водой.

— Полной формулы я вам не дам, — сказал он.

— Мы не просим, — ответила Мира.

— Лада спрашивала, почему одному мне можно знать рассказ Эрсы.

— Я спрашивала, что будет, если тебя не станет.

— Формулу хранит смотритель.

— Тогда скажи прямо: ты хочешь сделать меня смотрителем или нет?

Савел посмотрел на её руки. Под ногтями осталась глина с лодочной мастерской, на среднем пальце — уголь от записей. Руки были не его и не отцовские. Они умели другое.

— Право перейдёт тебе, если ты согласишься принять обет.

— Как я могу согласиться с тем, чего не знаю?

— Так соглашались до тебя.

— И дядя Ен тоже?

Имя брата вошло в комнату, как сквозняк. Савел давно запретил произносить его за семейным столом. Не из-за магии — из-за злости. Теперь этот запрет показался особенно жалким.

— Ен не принял обет, — сказал он.

— Поэтому дед выгнал его?

— Он полез в записи, которые ему не принадлежали.

— Какие записи?

Савел промолчал. Мира не отвела взгляда.

— Безопасная часть, — догадалась она. — Не формула.

— Там были способы подновлять раствор, метки большой воды, нагрузки для каждого пролёта.

— То, что сегодня Эрдан и Хорт выясняли заново?

— Не всё. Они знают своё ремесло.

— Но семейные записи помогли бы?

— Да.

Лада откинулась от стола.

— Ты закрыл тяжёлый проезд, вернул пошрины, потратил зимний запас и заставил мастеров мерить мост с начала, хотя у нас есть записи?

— Есть отдельные старые тетради. Им нельзя доверять без проверки.

— Тогда почему не показать и не проверить?

Савел почувствовал знакомое желание закончить разговор приказом. Он мог сказать, что тетради принадлежат дому Вережей, что отец доверил их ему, что безопасность важнее

дочернего нетерпения. Каждое утверждение было бы отчасти правдой. Вместе они составили бы ложь.

— Потому что мы прятали ремесло вместе с формулой, — сказал он. — Если любой мастер умеет осматривать мост, дом смотрителей уже не кажется незаменимым.

Мира медленно поставила кружку.

— Кажется?

— Не является, — поправил Савел. — Не во всём.

Лада встала и прошлась до окна.

— А пошлина? Её дали за опасное слово или за ремонт?

— За содержание переправы. Так записано в грамоте.

— Тогда содержать могут разные мастера.

— Грамота на имя дома.

— Я не спрашиваю, что написано. Я спрашиваю, что справедливо.

— Справедливостью не купишь муку, — сказал Савел резче, чем хотел.

— А тайной купишь?

Он посмотрел на почти пустую миску. Сегодня тайна стояла им полмешка ржи, шесть кружал, новый раствор и два дня без пошлины. Завтра цена вырастет.

— До сих пор покупали, — ответил он. — Люди платили за проход, мы держали мост и молчали. Это кормило тебя, когда ты была ребёнком. Кормит этот дом. Платит Тису. Даёт работу конюхам, прачкам, плотникам. Если я открою все безопасные записи и княжества решат, что справятся без нас, Гард заберёт сбор. Не люди. Он.

— Значит, выбирать надо между твоей тайной и его книгой долгов?

— Сейчас — да.

— Нет, — сказала Мира. — Сейчас так удобно думать вам обоим.

Она разложила перед ними дощечки должников.

— Эти люди пришли не к Гарду и не к наследственному смотрителю. Они пришли сюда, потому что здесь им дали назвать цену вслух. Дом кормит мост не только пошлиной. Он кормит тех, кто его чинит, ждёт и защищает. Если завтра пошлины не будет, нам станет тяжело. Возможно, мы потеряем двор. Но если ради двора ты оставишь мастеров без нужных записей, мы всё равно его потеряем — вместе с мостом.

Савел провёл пальцем по зарубкам. Девятнадцать свидетелей. Девятнадцать маленьких доказательств того, что власть держится не только печатью и наследством, но и тем, кто умеет собрать людей за одним столом.

— Утром принесу тетрадь нагрузок, — сказал он. — Покажу Хорту и Эрдану. Без страниц о серебряном растворе.

— Почему без них? — спросила Лада.

— Потому что там рядом встречаются части формулы. Я сначала отделю их.

— Один?

Он посмотрел на Миру.

— С Мирой. Здесь, не на мосту. Мы выпишем всё, что относится к обычной кладке, дереву и воде.

— И мне покажете?

— Выписки — да.

— А правила, по которым слово опасно?

Савел вздохнул.

— Семь пролётов. Есть семь существенных слов. Каждое связано со своим пролётом. Если такое слово произнести на переправе в старом значении, серебряная связка слабеет. Первое мы уже потеряли частично. Второе — тоже. Полная фраза распустит всё старое заклинание.

Лада не села.

— Ты знаешь все семь?

— Да.

— Гард знает два?

— Возможно, слова у него записаны. Понимает ли он их — не знаю.

— А мы не знаем ни одного.

— И потому не сможем случайно произнести.

— Но можем случайно привести к тебе того, кто произнесёт. Можем отдать палате песню.

Можем решить, что твой запрет — очередное «потому».

Она говорила спокойно, и это было хуже крика.

— Я дам вам признаки опасных рассказов, — сказал Савел. — Без самих слов. Про семь частей, про первого кладчика, про названия опор и приказ, которым будто бы умирляли реку. Всё такое записывайте отдельно и не повторяйте на мосту.

— Это уже можно выполнить, — сказала Мира.

Лада вернулась к столу и взяла хлеб.

— До завтра.

— Что до завтра?

— До завтра этого хватит. Потом я снова спрошу.

Савел едва не улыбнулся. Угроза была честнее покорности.

Они поели остывшую похлёбку. После Мира пересчитала кассу. В ящике лежало серебра меньше, чем требовалось только на два новых кружала и поперечную раму. Плата за комнаты покрывала еду, но не ремонт. Если тяжёлый проезд не откроется за три дня, придётся продать одну из упряжных лошадей или занять.

— Не у палаты, — сказала Лада.

— Спасибо, что уточнила, — ответила Мира.

Савел снял с пояса ключ от сборного ящика и положил на стол.

— Завтра пошлины опять не будет. Порожние пропустим бесплатно, чтобы не копить очередь. Пеших тоже.

Мира записала решение на обороте счётной дощечки.

— Подпиши.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Но через неделю ты будешь помнить, что сказал «до ремонта», а я — что «до открытия тяжёлого проезда». Домашняя память спорит не хуже княжеских грамот.

Он поставил свою метку. Мира — свою. Лада добавила рядом маленькую лодку.

— Ты не сторона решения, — сказал Савел.

— Я свидетель.

На рассвете до открытия ворот они вынесли к мосту доску. На ней крупно было написано: тяжёлый проезд закрыт; порожние телеги идут по одной после осмотра; плата до нового объявления не берётся; рассказы о мосте на переправе не повторять; причины повреждения разбираются вечером в постоялом дворе.

Савел прочёл надпись дважды. Последняя строка пугала его сильнее первой. Она обещала людям не просто приказ, а объяснение, и теперь отступить можно было только у всех на виду.

Мира прибила доску к столбу четырьмя гвоздями.

— Дом потеряет ещё один день, — сказала она. — Пусть хотя бы мост получит от него пользу.

С другого берега показался одинокий всадник. Он ехал со стороны Ливеи, низко пригнувшись к шее коня. На спине был дорожный мешок, к седлу привязана короткая лопата, а поверх плаща тянулся выцветший ремень с медной застёжкой в виде семи арок.

Савел узнал застёжку раньше лица.

Ен не носил её пятнадцать лет.

Глава 6. Брат с другого берега

Ен остановил коня перед белым камнем и не въехал на мост.

За пятнадцать лет он стал суше, темнее лицом и короче в волосах. На подбородке белел косой шрам, которого Савел не помнил. Плащ был ливейского покроя, с разрезом для верховой езды, но медная застёжка принадлежала дому Вережей. Отец заказал две одинаковые, когда сыновьям исполнилось шестнадцать.

Свою Савел носил в ящике с мерными скобами. Ен, уходя, бросил застёжку в грязь.

— Спешись, — сказал Савел.

— Доброе утро и тебе.

— Тяжёлых не пропускаем. Коня проведёшь в поводу.

Ен оглядел доску с правилами, шесть кружал под первым пролётом и очередь порожних телег.

— Наконец-то написал людям, что им можно?

— Кто сообщил?

— О чём? Что мост треснул или что мой брат всё ещё начинает разговор с допроса?

Лада стояла за плечом Савела. Ен посмотрел на неё и снял перчатку.

— Ты была вот такая, когда я уходил.

Он показал ладонью высоту до колена.

— Я была четырёхлетняя. Обычно они такие.

— Значит, узнал верно.

— А я тебя нет.

Улыбка у Ена дрогнула. Он перевёл взгляд на Миру.

— Здравствуй.

— Здравствуй, — ответила она. — Почему приехал?

— В Круче говорили, что Вереж закрыл мост из-за песни. В Ливее — что наместник скупает старые слова. Вчера каменщик сказал, что погасло серебро под двумя арками. Я решил, что семейная ссора подождала достаточно.

— Она не ждала, — сказал Савел. — Она закончилась.

— Тогда я приехал вовремя. Можно начать новую.

Тис фыркнул, притворившись, что кашляет. Савел велел ему открыть ворота для первой телеги.

— Переходи молча. Поговорим в доме.

— О мосте нельзя?

— Старые слова не произноси.

— Какие именно?

— Ты знаешь.

Ен погладил коня по шее.

— Вот это нам и предстоит выяснить.

Он ступил на первый пролёт. Савел шёл рядом и следил не за братом, а за камнем под его сапогами. Ен молчал. На середине только поднял голову, прислушиваясь к стуку молотков снизу. Возле второго пролёта задержался у угольной метки над повреждённым швом, но Савел взял коня под уздцы и повёл дальше.

За реденским белым камнем Ен выдохнул.

— Два слова?

— Возможно.

— Какие пролёты?

— Первый и второй.

— Тогда у вас меньше времени, чем думаешь.

Савел развернул его к себе.

— Откуда знаешь?

— В доме.

— Ты пятнадцать лет не имел права ставить условия.

— А ты пятнадцать лет имел все права. Посмотри, как помогло.

Мира встала между ними и забрала повод.

— Лада отведёт коня. Вы оба пойдёте на кухню. Если кто-нибудь начнёт махать руками, получит сковородой. Условия мои: двор мой.

Ен поклонился ей серьёзнее, чем княгине.

На кухне ещё пахло вчерашней похлёбкой. Мира закрыла ставни со стороны двора, отправила Тиса к мосту и положила на стол чистую дощечку. Савел остался стоять. Ен снял мокрый плащ, аккуратно сложил на лавке и положил сверху дорожный мешок.

— Говори, — сказал Савел.

— Сначала хочу увидеть повреждения.

— Нет.

— Тогда записи отца.

— Нет.

— Хороший разговор. Я соскучился.

Лада села напротив него.

— Что ты знаешь о происхождении формулы?

Савел повернулся к дочери.

— Не начинай с этого.

— Он приехал из-за этого.

Ен изучал её лицо.

— Что тебе рассказал отец?

— Семь слов связаны с семьёй пролётами. Произнесённые на переправе, они ослабляют серебряную связку. Полная фраза распускает старое заклинание.

— Кто создал связку?

— Первый смотритель Вереж.

— Как его звали?

Лада открыла рот и посмотрела на Савела.

— Имя не входит в безопасную часть, — сказал он.

— Потому что ты сам его не знаешь, — ответил Ен.

Мира положила ладонь на дощечку.

— Что значит «не знаешь»?

— Отец рассказывал нам о Безымянном Кладчике. Будто наш предок пришёл к реке, уложил семь арок, связал их серебром и получил право на пошлину от обоих князей. Ни имени, ни года, ни свидетелей. Удобная древность: чем меньше можно проверить, тем легче наследовать.

— Грамота существует, — сказал Савел.

— Грамота на сбор пошлины младше моста на сто восемьдесят лет.

— Откуда число?

— Из ливейского хранилища. Я там работаю.

Савел рассмеялся.

— Тебя выгнали за кражу записей, и ты стал архивным писцом?

— Сначала землекопом. Потом переписчиком у подрядчика. Потом научился читать не только то, что мне разрешают.

Ен развязал мешок и вынул свёрток в промасленной коже. Положил его на стол, но не раскрыл.

— Первую переправу строили артели обоих берегов. Реден давал дуб и железо, Ливея — тесаный камень и известь. Серебро собирали с семи общин. Никакого Вережа среди первых мастеров нет.

— Ты нашёл список работников двухсотлетней давности и решил, что он полный?

— Нашёл три списка. Расходный, податный и поминальный. В каждом разные имена, но повторяются семь старшин. Они и составили связующую фразу.

— Семеро не могли хранить её.

— Поэтому разделили. Каждый знал своё слово и способ укрепить один пролёт. Формулу нельзя было произнести целиком одному человеку.

На кухне стало слышно, как в стене скребётся мышь.

Лада первой нарушила тишину:

— Значит, смотритель не хранил семь слов?

— Изначально не хранил. Он следил, чтобы общины меняли хранителей и не собирались на мосту вместе.

Савел потянулся к свёртку. Ен прижал его ладонью.

— Это копии. Оригиналы в Ливее.

— Покажи.

— Теперь хочешь читать чужие записи?

— Покажи.

Ен развернул кожу. Внутри лежали четыре листа разного размера. Почерк был мелкий, не семейный. На первом значились поставки дуба, железных скоб, извести и серебряной стружки. На втором — выплаты артелям. На третьем Савел увидел рисунок семи арок и знаки общин над каждой.

— Это может быть другой мост.

— Река названа трижды. Вот Красная круча на ливейском берегу. Вот старое устье Мжи. Вот расстояние между быками.

Мира поднесла лист к окну.

— Бумага новая.

— Копия сделана мной семь лет назад. Под каждой есть шифр полки и книги. Можете проверить.

— Почему не привёз раньше? — спросила она.

— Кому? Савелу, который отправил бы всё в печь? Отцу, который назвал меня вором? Княжескому писцу, чтобы тот продал сведения наместнику?

— Мне, — сказала Мира.

Ен опустил глаза.

— Тебе мог.

— Но не привёз.

— Нет.

Она вернула лист на стол.

— Тогда не изображай единственного честного человека в семье.

Ен кивнул. Савел ожидал колкости и не дождался.

— Отец солгал не только о строителях, — продолжил брат. — Он сказал, что формула один раз вошла в серебро и с тех пор неизменна. В записях иначе. Каждые семь лет хранители встречались вне переправы, проверяли слова и обновляли раствор малыми долями. Слова были не вечным чудом. Это был уговор между людьми.

— Серебро реагирует на них до сих пор.

— Конечно. Чара настоящая. Ложь — в том, что она принадлежит нашей крови.

Савел посмотрел на рисунок. Семь знаков над арками: колос, рыба, молот, кувшин, ладонь, колесо, ветвь. Он видел их прежде на нижних камнях, принимал за метки поставщиков и никогда не спрашивал, почему ни одна не похожа на герб Вережей.

— Если общины знали слова, куда они делись? — спросила Лада.

— Их меняли, дробили, прятали в песнях и рабочих присказках. Потом два княжества воевали. Хранители погибали или уезжали. Один из поздних зрителей собрал остатки и объявил, что только его дом способен удерживать мост.

— Кто?

— Вероятно, Орд Вереж. Его имя первое в грамоте о пошине.

Савел знал Орда как третьего зрителя, человека, который спас переправу во время ледохода. Отец называл его Тихим. В семейной книге возле имени стоял знак закрытого рта.

— Предположение, — сказал Савел.

— Да. В отличие от отца, я отмечаю, где предполагаю.

Удар пришёл точно. Савел отошёл к очагу.

— Ты взломал его сундук.

— Взял ключ из твоей куртки.

— Украл.

— Прочёл тетрадь нагрузок и переписал три страницы.

— После чего собирался продать ливейцам.

— Я собирался отдать мастерам.

— Тебя нашли у купеческого двора.

— Там ждал каменщик.

— С деньгами.

— С образцами извести. Деньги подбросил отец.

Савел шагнул к нему. Мира не взяла сковороду, лишь встала, и этого хватило.

— Ты обвиняешь мёртвого, — сказал Савел.

— Мёртвые тоже лгут. Особенно если живые повторяют за ними.

— Я видел монеты.

— Ты видел мешочек на моём столе. Спросил ли ты, откуда он?

Савел помнил тот вечер слишком хорошо: распахнутый сундук, отцовские тетради на полу, Ена у двери. Отец держал мешочек двумя пальцами, как дохлую крысу. Савел ударил брата прежде, чем тот успел сказать три слова.

— Ты кричал, — произнёс он.

— Что именно?

Савел не ответил. Он помнил шум, но не фразы.

— Я кричал, что серебро должно быть в ремонтной кассе, — сказал Ен. — Отец продал часть стружки и спрятал деньги у меня. Я нашёл недостачу в тетради нагрузок, потому и полез в остальные записи.

Мира повернулась к Савелу.

— В расходной книге того года был пробел. Твой отец сказал, страницы залило.

— Их действительно залило.

— Только листы про серебро?

— Я не знаю.

Это были самые тяжёлые слова утра. Не опасные для камня — опасные для человека, который пятнадцать лет выдавал уверенность за долг.

Лада взяла лист со знаками общин.

— Ты знаешь хотя бы одно слово?

Ен посмотрел на Савела.

— Знаю то, которое отец не успел забрать.

— Не произноси, — одновременно сказали Савел и Мира.

— Я не затем ехал. Оно записано не буквами. Покажу знак вне дома и вне переправы, когда решим, кто должен его хранить.

— Его храню я, — сказал Савел.

— Вот это и разрушило старый уговор.

— А твой способ? Раздать слова девятнадцати должникам во дворе?

— Нет. Разделить сведения и ответственность между теми, кто действительно чинит пролёты. Чтобы никто, включая тебя и меня, не мог один назвать всю фразу.

— Гард уже собирает её по частям.

— Потому что части рассыпаны среди людей, которые не знают их цены. Тайна без хранителей становится товаром.

Мира забрала у Лады лист и снова завернула копии в кожу.

— До обеда никто никуда не идёт. Савел принесёт тетрадь нагрузок. Ен отметит, что совпадает с ливейскими записями. Лада перепишет безопасное. Потом Хорт и Эрдан проверят цифры на камне.

— Ты распоряжаешься семейными книгами? — спросил Савел.

— Нет. Распоряжаюсь своим столом. Можешь уйти вместе с книгой и дальше платить за каждую свою тайну из нашего амбара.

Ен тихо свистнул.

— Не начинай любоваться, — сказала ему Мира. — Ты пятнадцать лет тоже молчал.

— Справедливо.

Савел взял ключи. У двери Лада догнала его.

— Я пойду с тобой.

— Зачем?

— Чтобы тетрадь дошла сюда, а не случайно осталась в запертом сундуке.

— Ты мне не доверяешь?

— Сегодня я учусь отмечать, где предполагаю.

Они вышли к мосту. У ворот ждали Эрдан и Хорт, оба в известковой пыли. Второй пролёт они уже выскочили и теперь спорили о доле речного песка. На столбе висела утренняя доска, а под ней кто-то углём добавил: «Наместников тоже вести по одному».

Савел стёр приписку рукавом.

На другом берегу показался полосатый навес долговой палаты. Служащие ставили его в прежнем месте. Рядом Кел раздавал людям новые листки, и очередь к нему была длиннее вчерашней.

— Они уже знают, что Ен приехал? — спросила Лада.

— Скоро узнают.

— Гард станет покупать его долг?

— У Ена нет долга.

— У каждого есть. Не всегда денежный.

Савел посмотрел на дом, где брат сидел за столом, с которого его когда-то изгнали. Потом — на навес Гарда. Между ними лежали семь арок и две ослабленные серебряные жилы.

Впервые Савел понял, что возвращение Ена опасно не потому, что брат может выдать формулу. Опасность была в другом: если копии настоящие, дом Вережей никогда не владел мостом по тому праву, которое Савел защищал всю жизнь.

А значит, сохранить переправу и сохранить своё наследство могло оказаться двумя разными делами.

Глава 7. Наследница без согласия

Лада дождалась, когда отец запер семейную тетрадь, и положила ладонь на крышку сундука.

— Теперь мой разговор.

Савел держал ключ двумя пальцами. После возвращения Ена он почти не выпускал его из руки, будто железный зуб мог запереть не только записи, но и пятнадцать потерянных лет.

— Мы ещё не закончили с копиями.

— Вы с дядей можете разбирать их до ночи. Но утром ты обещал дать мне безопасные знания. Я хочу знать, что именно ты собирался дать и какую цену потребовать.

Мира, смывавшая мел с дощечек, перестала плескаться водой. Ен сидел у окна и чинил порванный ремешок своего мешка. Никто не сделал вид, что не слышит.

Савел положил ключ на стол.

— Цена простая. Ты учишься уходу за мостом и не повторяешь услышанное на переправе.

— Это правило для любого разумного человека. Я спрашиваю про обет.

— Какой ещё обет?

— Тот, который дед заставил принести тебя. И Ена, если успел.

Ен протянул ремешок, проверяя шов.

— Меня не успел. Савелу было семнадцать, мне двенадцать. Я стоял за дверью.

Савел резко повернулся к нему.

— Ты подслушивал?

— Дверь была из трёх досок и двух щелей. Отец велел тебе положить руку на камень из среднего быка и согласиться принять всё, что он назовёт наследством. Даже если не объяснит сразу.

Лада убрала ладонь с сундука.

— Так и было?

Савел смотрел на неё, а видел, должно быть, другого себя: худого подростка в кладовой, деда Орта с седой бородой, серый речной камень на столе. Он медленно сел.

— Мне объяснили достаточно.

— До согласия или после?

— Это было не венчание и не долговая расписка.

— Поэтому согласие можно брать вслепую?

— Мне передавали ответственность за мост.

— А если бы ты отказался?

Савел не ответил.

Мира вытерла руки о передник и села рядом с дочерью.

— Что сказал бы твой отец?

— Что отказывающийся больше не Вереж.

— То есть выгнал бы семнадцатилетнего сына из дома, — сказала Лада.

— Не выгнал бы.

Ен засмеялся без улыбки.

— У нас есть способ проверить его милосердие, но для этого придётся вернуться на пятнадцать лет.

— Не вмешивайся, — сказал Савел.

— Я не вмешиваюсь. Я здесь сижу как наглядное пособие.

Лада придвинула к себе чистую дощечку.

— Я не принесу неизвестный обет. Ни на камне, ни на книге, ни на твоей руке. Не согласись принять всё, что ты позже назовёшь долгом. Если после этого я больше не наследница, напиши сейчас.

Во дворе застучал молоток. Под первым пролётом плотники подбивали клинья, и каждый удар проходил через пол кухни. Савел досчитал до восьмого, прежде чем заговорить.

— Если ты не знаешь правил, тебя нельзя пускать к связке.

— Я и не прошу пускать меня к связке.

— Вчера просила показать серебро.

— Чтобы понять повреждение. Хорт осматривает камень и не знает формулы. Эрдан считает нагрузку и не знает формулы. Почему для меня единственная дорога к опоре идёт через семейную тайну?

— Потому что ты моя дочь.

— Это не ответ.

Для Савела это было ответом. Лада поняла по тому, как он нахмурился: отец не прятался за словами, он действительно не видел разницы между близостью, обязанностью и правом решать за неё. Дом Вережей держался на том же растворе, что и мост: полезное смешали с опасным так давно, что боялись разделить.

Она написала на дощечке три строки.

— Вот что мне нужно. Первое: устройство опор и арок. Второе: признаки повреждения. Третье: расчёт воды, груза и временных лесов. Без слов, которые держат серебро. Без родового права. Без обещания молчать о том, что должно знать всякое ремесло.

Ен поднялся и заглянул через её плечо.

— Ещё раствор. Составы для сухой кладки и для работ ниже воды.

— Четвёртое: раствор.

Савел забрал мел и добавил:

— Течение у быков. Летом и в половодье отдельно. И ледовый удар.

Лада посмотрела на него.

— Это ты согласился или пытаешься опять дополнить мой долг?

— Согласился учить. Если хочешь стать речным мастером, учись не только тому, что кажется интересным.

— Хочу. Но выбирать, кем стать, буду я.

Он вернул мел.

— Речной мастер не выбирает реку. Она выбирает ему работу каждый день.

— Вот это уже похоже на честное предупреждение.

Мира поставила на стол кувшин.

— Значит, договорились?

— Нет, — сказала Лада. — Мы договорились о знаниях. Осталось понять, что отец потребует взамен.

Савел откинулся к стене.

— Работу. Сегодня спустишься к воде с Хортом и снимешь отметки на двух первых быках. Внизу не геройствовать, верёвку не отстёгивать, под арку без его команды не лезть. Запишешь глубину, скорость и всё, что увидишь в швах.

— А после?

— После покажу старые промеры. Сравнишь.

— Можно переписать их в общую тетрадь?

Он задержался всего на миг.

— Без знаков связки — можно.

Ен положил рядом одну из своих копий.

— У меня есть ливейские промеры за три весны. Тоже без слов.

— Сначала проверим происхождение листов, — сказал Савел.

— Проверяйте. Реке всё равно, кто из нас обижен.

К полудню солнце прогрело камни, но вода осталась тёмной и холодной. Хорт ждал у нижней площадки с двумя верёвками, мерным шестом и деревянной рамой, похожей на маленькую дверь без полотна. Он выслушал Савела, крикнул и протянул Ладе пояс.

— Надевай.

— Я спускалась сюда с отцом.

— Тогда знаешь, что пояс надевают прежде, чем спорят.

Лада затянула ремень. Савел проверил пряжку, потом узел на страховочной верёвке.

— Не так туго, — сказала она. — Я должна дышать.

— В воде тоже должна.

Хорт ослабил ремень на палец.

— Она права. Если сорвётся, тугая петля ломает ребро.

Савел нахмурился, но не затянул снова. Лада запомнила это малое отступление лучше многих его обещаний.

До первого быка шли по настилу, уложенному плотниками поверх низких козел. Вода плескала в ладонь от сапог. Над головой грохотали порожные телеги, пропускаемые по одной. Каждый удар колеса отзывался в дубовых подпорках, и Лада впервые услышала мост снизу: не как ровную дорогу, а как множество отдельных тяжестей.

Хорт приставил деревянную раму к кладке.

— Что видишь?

— Серый камень. Три новых скобы. Белёсый шов после вчерашнего раствора.

— Это увидит торговец с похмелья. Смотри на воду.

У быка течение расходилось двумя усами. Справа поверхность была гладкой, слева дрожала мелкой рябью.

— Подмывает с ливейской стороны.

— Почему?

Лада опустила шест. На отметке в две с половиной сажени он коснулся дна, но наконец-ник ушёл в песок.

— Там мягче.

— Или глубже. Не угадывай. Мерь.

Они сделали пять промеров вдоль рамы. Хорт называл расстояние от кладки, Лада царапала числа на восковой дощечке. Савел стоял выше, у верёвки. Он не подсказывал, но всякий раз, когда Лада наклонялась над водой, канат натягивался раньше, чем ей требовалась поддержка.

— Если держать меня так, я ничего не достану, — сказала она.

— Если отпустить, достанешь дно головой.

— Хорт, кто отвечает за верёвку?

— Сегодня твой отец.

— Тогда замените его.

Савел побледнел.

— Что?

— Мне нужен страхующий, а не хозяин поводка. Он мешает измерять.

Хорт посмотрел на течение, будто решение было написано там.

— Савел, отдай конец Тису. Сам иди сюда и покажи дочери водяной карман за скобой. Руками у тебя получается лучше, чем бояться.

Тис принял верёвку. Савел спустился на настил, проверил ногой каждую доску и встал рядом с Ладой.

— Видишь тёмное место?

— Тень от арки.

— Брось щепку.

Щепка прошла по ряби, завертелась и исчезла у кладки. Через два вдоха вынырнула ниже.

— Вода входит под нижний камень, — сказала Лада.

— Пока неглубоко. Но если песок уйдёт ещё на ладонь, образуется пазуха. Зимой в неё набьётся лёд.

— Значит, повреждение началось раньше слова Ратки?

— Подмыв — раньше. Серебро держало кладку плотнее, чем обычный раствор. Когда слово ослабило связку, старый изъяз стал опасным.

— Это записано в семейной тетради?

— Есть отметка о песке три года назад.

— И что вы сделали?

— Забили мешки с глиной.

Хорт провёл ногтем по трещине между камнями.

— Мешки ушли первой весной. Надо было ставить плетёную клетку и забивать щебнем. Савел не возразил.

Лада записала: «Подмыв замечен три года назад. Временная мера не удержалась». Потом добавила: «Слово не создало весь вред — оно сняло помощь серебра».

— Это можно писать? — спросила она.

Отец прочёл через плечо.

— Можно. Только не указывай само слово и его место в формуле.

— Место — первый пролёт — уже знает половина заставы.

— Знать, где потемнело серебро, не то же самое, что знать, какое слово связано с ним.

— Ратка его знает.

— Поэтому Гард и платил ему.

Лада посмотрела вверх. На белом камне возле ливейского въезда сидел Кел Орам и будто бы считал телеги. Рядом лежала закрытая книга долгов.

— Он следит за нами.

— Пусть, — сказал Савел. — Глубину воды взглядом не украдёшь.

— А безопасные записи можно.

— Их и не надо прятать.

Слова дались ему трудно, но он произнёс их без поправки.

У второго быка течение оказалось спокойнее, зато в растворе между двумя нижними камнями нашлась щель длиной в локоть. Хорт сунул туда тонкую железную пластину. Она вошла почти целиком.

— После «каменного быка»? — спросила Лада.

Савел поднял руку, хотя они находились не на мостовом полотне, а под аркой.

— Не повторяй купленную строку здесь. Мы не знаем, считает ли чара переправой нижний настил.

— Тогда запишу: после второго случая.

— Запиши время. Щель могла быть раньше.

Лада ощутила досаду, но поняла, что отец прав. Если они станут приписывать заклинанию каждый старый скол, то ничем не будут лучше Гарда, продающего удобное объяснение каждому должнику.

Она измерила щель в трёх местах. Хорт показал, как определить, живёт ли трещина: забил поперёк тонкую лепёшку свежей извести и поставил на ней дату.

— Если порвётся, камни движутся. Если останется целой, вымыло только шов.

— Почему этого нет в нашей тетради? — спросила Лада.

Савел ответил не сразу.

— Есть. Отец называл её немой печатью.

— Обычная известь получила тайное имя?

— Он говорил, что так делали Вережи.

Хорт сполоснул пальцы.

— Так делает любой каменщик, которому лень сторожить трещину всю ночь.

Лада записала и это. Савел смотрел на дощечку, словно каждая простая строка отнимала у его рода драгоценность. Но не остановил её.

Они дошли до третьего быка. Здесь серебро светилось ровно в глубине шва, тонкое, как волос подо льдом. Лада присела, не касаясь камня.

— Значит, это целая связка?

— Доступная часть, — сказал Савел. — Основная полоса глубже.

— Как её осматривают?

— Снимают один замковый камень в сухом коробе.

— Когда снимали последний раз?

Он посмотрел на реку.

— При мне ни разу.

— За двадцать четыре года?

— Серебро не темнело.

— Но камень мог треснуть.

— Мог.

Хорт покачал головой.

— Вот и ваша наследственная мудрость: если чудо блесит, молоток можно не доставать.

Савел шагнул к нему.

— Ты получал плату за осмотры.

— Верхних швов. Внутри меня не пускал твой отец, потом ты. Я спрашивал про третий бык семь лет назад.

— После ледохода. Мы простучали арку.

— Снаружи.

Лада встала между ними не потому, что боялась драки, а потому, что оба заслоняли кладку.

— Значит, нужен сухой короб. Сколько времени его ставить?

Хорт посчитал на пальцах.

— Если взять доски со старой пристани — два дня. Пенька, смола, восемь работников.

Ещё помпа или цепь вёдер.

— Деньги? — спросила Лада.

— Двадцать серебряных, если доски отдадут. Тридцать, если покупать.

До закрытия моста семья могла бы оплатить работу из двух недель хорошей пошлыны. Теперь двадцать серебряных означали зимнюю муку, жалованье Тису и половину запаса гвоздей.

Савел потёр подбородок.

— Сначала первый пролёт. Потом короб.

— А если третий опаснее? — спросила Лада.

— Нет признаков.

— Отсутствие осмотра — не признак целости.

Он посмотрел на неё с удивлением. Это была его собственная фраза, сказанная когда-то о канатах, которые купец предлагал принять без расплетения концов.

— Верно, — признал он. — Сегодня вечером сравним расходы. Завтра Хорт простучит третий пролёт снизу. Если найдёт пустоту, короб ставим первым.

— Решение запишем?

— Запишем.

На берег они вернулись мокрыми до колен. У лестницы стоял Гард Нор. Наместник снял перчатки и держал их в одной руке, словно пришёл не к реке, а к обеденному столу.

— Впечатляющее усердие, — сказал он. — Дочь смотрителя уже принимает ремесло?

Лада отстегнула пояс и передала Хорту.

— Я учусь измерять опоры.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

Гард улыбнулся Савелу.

— Молодые любят различия в словах. Потом узнают, что имущество, долг и должность переходят одним узлом.

— Только если наследник согласен, — сказала Лада.

— Согласие — роскошь тех, у кого нет семьи.

Мира спускалась по тропе с корзиной хлеба. Услышав, она остановилась рядом с дочерью.

— А вы, значит, семьи должников не считаете семьями? У них согласие берёте исправно.

Подписью на каждой странице.

— Именно. Я уважаю письменное слово.

— Тогда напишите, сколько спишете за рассказ до того, как его услышите.

— Пользность рассказа заранее неизвестна.

— Как удобно.

Гард не стал отвечать Мира. Он повернулся к Ладе.

— У меня есть предложение, которое позволит вам учиться у лучших ливейских строителей. Год в речной школе Кручи, жильё и инструменты. Взамен — несколько бесед о семейных обычаях. Не формула, разумеется. Я законов не нарушаю.

Савел взял Ладу за локоть.

— Разговор окончен.

Она высвободила руку.

— Я сама отвечу.

Взгляд отца был тяжелее страховочной верёвки. Лада вытерла мокрые ладони о штаны и обратилась к наместнику:

— Назовите школу, мастера и сумму. Запишите, что именно хотите получить. Отдельно укажите, кто решает, выполнено ли условие.

Гард прищурился.

— Вы деловая девушка.

— Я видела ваши расписки. Поэтому и спрашиваю.

— Такие подробности обсуждают за столом.

— Тогда предложения нет. Есть приманка.

Кел Орам поднял голову от книги у белого камня. Гард сложил перчатки вдвое.

— Ваш отец не сможет долго оплачивать учёбу. Переправа закрыта для груза, постоянный двор пустеет, ремонт съест запас. Я предлагаю выход.

— Вы предлагаете купить у меня то, чего я ещё не знаю.

— Но узнаете.

— Нет. Опоры и течение — узнаю. Формулу не принимаю.

Впервые лицо Гарда изменилось. Совсем немного: исчезла мягкая складка у рта.

— От наследства не отказываются по частям.

— Сегодня отказалась.

Он посмотрел на Савела, ожидая опровержения. Савел стоял неподвижно. Лада не знала, поддерживает ли он её или просто не может подобрать слова при свидетелях.

— Дом зрителей держал этот мост дольше, чем существуют нынешние княжеские печати, — сказал Гард. — Было бы печально, если семейный спор оборвёт службу.

— Служба не обязана быть семейной, — ответила Лада.

— Кто же тогда будет отвечать?

Хорт поднял мерную раму.

— Тот, чья подпись под работой. Удобная вещь. Не требует родиться в нужной постели.

Гард надел перчатки.

— Подумайте, Лада. Мои условия останутся щедрыми до конца ярмарочной недели.

— Здесь нет ярмарки.

— Пока нет.

Он ушёл к заставе. Кел захлопнул книгу и последовал за ним.

Савел дождался, когда они поднимутся на дорогу.

— Никогда не веди с ним торг одна.

— Я не торговалась.

— Ты просила условия.

— Чтобы он отказался их назвать при свидетелях. Он и отказался.

Мира достала из корзины хлеб, сыр и пять деревянных чашек.

— Она сделала ровно то, чему мы вчера учили должников.

— Гард теперь знает, что Лада не приняла формулу.

— Он и раньше не знал, приняла ли. Зато теперь знает весь берег.

Тис, державший верёвку, кивнул на дорогу. Возле ворот остановились две женщины с корзинами и возчик. Они слышали разговор.

Савел взял чашку, но пить не стал.

— Отказ тоже можно использовать против нас.

Лада села на перевёрнутое ведро.

— Против кого — нас? Если ты имеешь в виду дом Вережей, то да. Я не стану следующим человеком, который получает мост вместе с угрозой изгнания. Если имеешь в виду семью, я никуда не уйду. Буду работать, платить за муку, помогать с двором и чинить опоры. Только не потому, что кто-то заранее выбрал мне всю жизнь.

— А если речная школа не возьмёт тебя?

— Найду мастера. Хорт согласился учить измерения.

Хорт подавился сыром.

— Я согласился показать один промер.

— За день я уже узнала про водяной карман, живую трещину и сухой короб. За месяц вы либо сделаете из меня ученицу, либо сбежите на верхнюю реку.

— На верхней реке мосты деревянные. Терпеть их не могу.

— Значит, останетесь.

Ен пришёл с двумя свёрнутыми листами под мышкой.

— Я слышал конец. Если нужна рекомендация в школу Кручи, архивный мастер подпишет. Он обязан мне за крышу над хранилищем.

Савел поставил нетронутую чашку.

— Все уже устроили её жизнь?

— Нет, — сказала Лада. — Все предлагают куски. Я выбираю.

Она протянула ему дощечку с промерами.

— Проверь числа.

Он сел рядом. Сначала провёл пальцем по первой строке, потом по второй. У отметки глубины исправил нечёткую цифру и рядом поставил свою зарубку.

— Здесь шест не достал твёрдого дна. Надо писать не две с половиной сажени, а «не меньше двух с половиной».

— Хорошо.

— Скорость мерили щепкой?

— На трёх локтях. Два раза.

— Мало. Завтра возьмишь поплавков и песочные часы.

Лада улыбнулась.

— Завтра я всё ещё не наследница?

Савел долго смотрел на мост. Над первой аркой плотник поднял новый клин, Тис принял его и забил тремя точными ударами. По полотну прошла порожняя телега. Возница не перекрестился и не поблагодарил род Вережей; просто соблюдал написанное правило.

— Завтра ты ученица, — сказал Савел. — Этого достаточно.

— А обет?

Он вынул из кармана медную застёжку — свою, потемневшую, с семейным знаком закрытого рта. Наверное, принёс из ящика после разговора с Еном. Положил на дощечку и накрыл ладонью.

— Я не потребую от тебя согласия на неизвестное.

— И не назовёшь отказ предательством?

— Не назову.

— При свидетелях?

Савел оглядел Миру, Ена, Хорта и Тиса. На дороге ещё стояли люди.

— При свидетелях. Лада Вереж не обязана принимать право зрителя, формулу и семейный обет. Она может учиться речному строительству и пользоваться всеми безопасными записями дома.

Он говорил медленно, будто вынимал из кладки камни, на которых привык стоять. Мост не дрогнул. Серебряная нить под третьей аркой не потемнела. Обычные слова не разрушили ничего, кроме старого порядка.

Лада забрала дощечку, но застёжку оставила отцу.

— Запишем и это.

Мира уже доставала чистый лист.

Вечером в общей тетради появилась первая страница, не принадлежавшая дому Вережей. Наверху Лада написала: «Промеры опор. Читать и дополнять мастерам обоих берегов». Ниже стояли её числа, поправка Савела, знак Хорта и замечание Ена о ливейских данных за три весны.

Савел принёс семейную тетрадь и раскрыл её рядом. Он переносил сведения по одной строке, каждый раз отделяя способ ремонта от знака связки. Иногда рука останавливалась, и тогда Лада спрашивала, опасна ли сама строка или только привычно спрятана. Чаще оказывалось — привычно.

К полуночи они переписали уровни воды за девять лет, сроки смены дубовых клиньев и три состава раствора. Формула осталась под замком. Знание о мосте начало выходить наружу.

Перед сном Лада поднялась на дорогу. За белым камнем говорить было безопасно, но она всё равно молчала. Не из обета — по собственному выбору. Под арками шумела вода, у первого пролёта горели рабочие фонари, и в их свете мост выглядел не вечным чудом, а огромной незаконченной работой.

Именно этому она хотела учиться.

Глава 8. Книга купленных долгов

Книгу Гарда вынесли из долгового шатра перед рассветом.

Сделал это не вор, а дождь.

Ночью ветер сорвал край навеса, вода потекла по стойке и залила стол. Когда Савел пришёл к заставе проверить караул, Кел Орам уже стоял по щиколотку в грязи и раскладывал листы на перевёрнутых ящиках. Двое писцов промокали страницы войлоком. Третий держал над ними плащ.

— Помогите или не мешайте, — бросил Кел.

Савел взялся за край шатра. Вместе с Тисом они натянули холст и прижали верёвку камнем. Вода перестала литься на стол, но листы оставались раскрытыми. На верхнем Савел увидел знакомое имя: Нол Жатник. Рядом стояли две суммы — долг и вычет — и короткая помета красными чернилами.

«Первый свод. Строка неполна».

Кел накрыл страницу ладонью.

— Благодарю. Дальше справимся.

— Это расписка Нола?

— Сведения палаты.

— О мосте.

— О долге.

Савел посмотрел на соседний лист. Там повторялись пометы: «второй свод», «опора», «песня без конца», «проверено на месте». Не формула, не сами слова — указатели, по которым их можно было собрать.

Кел сложил мокрые страницы в стопу.

— Отойдите.

— Эти люди говорили вам, что их рассказы заносят в книгу ремонта?

— Их рассказы заносят в книгу полезных сведений. Они поставили подписи.

— Покажи условия.

— Получите приказ наместника.

— Тогда убери книгу с моей переправы.

Кел выпрямился.

— Шатёр стоит за белым камнем.

— А «проверено на месте» где?

Писцы перестали двигаться. Кел посмотрел на них, и один поспешно перевернул лист.

— Вы прочли чужие сведения без разрешения, — сказал Кел.

— Ты разложил их на дороге.

— Из-за непогоды.

— Река иногда оказывается полезнее наместника.

Савел ушёл прежде, чем Кел позвал стражу. Увиденного было мало для обвинения и достаточно для страха. Гард не просто выслушивал сказки. Он раскладывал их по пролётам.

На кухне Мира уже разожгла печь. Лада сушила над ней вчерашние промеры, а Ен сверял ливейские числа с общей тетрадью. Савел пересказал пометы, не добавляя догадок.

— «Первый свод» мог означать что угодно, — сказал Ен.

— Возле имени Нола?

— Мог. Но не означает.

Лада отложила лист.

— Нам нужен весь перечень.

— Кел его не отдаст, — сказал Савел.

— Тогда соберём свой, — ответила Мира. — У нас уже девятнадцать расписок.

— Девятнадцать с реденского берега.

Ен постучал пальцем по своей копии.

— На ливейском у Гарда нет права взыскивать.

— У него нет должности, — сказала Мира. — Но долги можно купить через посредника.

Она принесла книгу двора. Между расходами на муку и свечи были записаны имена постояльцев, их путь и плата. За последние две недели четверо ливейцев останавливались на одну ночь, хотя могли дойти до Кручи засветло. Все спрашивали о долговом столе. Один продал коня на реденской стороне и вернулся пешком.

— Я решила, что цены упали, — сказала Мира. — Теперь думаю: он гасил долг.

— Кто?

— Орш Плетель. Делает корзины в Нижней Ольхе.

Ен знал деревню. До неё было полдня вниз по ливейскому берегу.

— Я съезжу.

— Один не поедешь, — сказал Савел.

— Боишься, что украду ещё один архив?

— Боюсь, что Гард следит за тобой после вчерашнего.

— Следит. Его человек сидит у коновязи с тех пор, как я приехал.

Лада выглянула в щель ставни. Под навесом действительно прятался от дождя незнакомый парень в слишком хороших сапогах.

Мира открыла дверь во двор и крикнула:

— Молодой человек! Комната — два медяка, место под навесом — один. Бесплатно мокнуть можно за воротами.

Парень поднялся и ушёл к дороге.

— Теперь будет следить из канавы, — сказал Ен.

— Зато не за мой счёт.

Они разделили работу. Мира звала тех, чьи расписки уже переписала. Лада отмечала в общей тетради место, где человек услышал старую строку, и место, где её просили повторить. Ен отправился в Нижнюю Ольху с Хортом: каменщик собирался искать доски для сухого короба и служил убедительной причиной поездки. Савел остался у моста, чтобы наблюдать долговой стол и не позволять должникам проверять рассказы на полотне.

К полудню пришли одиннадцать человек. Савел посадил их не в доме, а под навесом двора, где слышали друг друга. Гард платил за разрозненность; Мира отвечала общим разговором.

Первой говорила Сая, продавщица сушёных яблок.

— Меня спросили про колыбельную матери. Не всю. Только строку, которую пели перед переправой.

— Где попросили повторить? — спросила Лада.

— На третьей арке. Кел сам остановил меня возле трещины.

Савел поднял голову.

— На третьей нет трещины сверху.

— Он показал царапину у борта.

— Что произошло?

— Ничего. Он велел спеть иначе, потом ещё раз. Я отказалась. Тогда вычет уменьшили вдвое.

Лада записала: «Третий пролёт. Три попытки. Существенного слова, вероятно, нет».

Следующим был старик Лем, перевозивший шерсть. У него спросили считалку лодочников и велели пройти с ней от второго быка до середины моста. Он перепутал две строки. Кел рассердился, но списал пять медяков «за направление поиска».

— Так и написал? — спросила Мира.

Лем показал расписку. Красными чернилами действительно стояло: «Сведения полезны для направления поиска».

— Поиска чего? — спросил Савел.

— Я спросил. Он сказал — имущества должника.

— У тебя есть имущество на мосту?

— Разве что шерсть с телеги осыпалась.

После Лема заговорили остальные. Гард спрашивал не только песни. Его люди покупали детские запреты, приговорки плотников, ругань возчиков, надписи со старых кружек, поминальные слова и названия семи общин. Повторять просили в определённых местах. Если серебро не менялось, вычет был мал. Если из шва сыпался песок или камень отдавал звоном, должнику давали отсрочку и назначали новую встречу.

— Он ставит опыты людьми, — сказала Лада.

— И долгом заставляет их соглашаться, — добавила Мира.

Савел провёл линию по странице, разделяя берега. На реденской стороне было двадцать семь имён, если прибавить упомянутых родственников. Но возле пятого и шестого пролётов оставались пустые места.

— Гард не мог пропустить две арки, — сказал он.

— Значит, проверял ливейцев, — ответила Лада.

У ворот появился Кел Орам с двумя стражниками. Мокрую книгу он сменил на сухую папку.

— По распоряжению наместника собрания должников должны быть заявлены заранее. Мира вышла к нему.

— Это гости моего двора.

— Они обсуждают обязательства перед палатой.

— За разговоры вы тоже взыскиваете сбор?

Кел раскрыл папку.

— Распространение условий частных расписок может причинить держателю убыток.

— Каким образом? — спросила Лада. — Другие должники узнают, что за одинаковую песню вы платили по-разному?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.